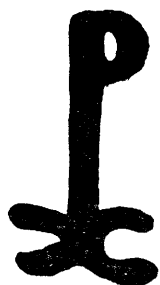

НИКОЛАЙ РЕРИХ

ПУТИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

Минск
„Университетское”
1991

ББК 87.3
Р42

Издание подготовлено при участии Белорусского Фонда Рерихов

Рерих Н. К.
Р42 Пути Благословения. — Мн.: Университетское, 1991. —
103 с.
ISBN 5-7855-0602-5.

Переиздание вышедшей в издательстве „Алатас” (Рига, 1924) книги
Н. К. Рериха — великого русского художника, ученого, писателя, деяте-
ля мировой культуры (1874—1947). Книга проникнута верой в то, что
на арене жизни победят силы добра и созидания.

Для широкого круга читателей.

Р 0301030000 — 039
М 317(03) — 91 БЗ 179—91

ББК 87.3 + 85

ISBN 5-7855-0602-5

© Оформление В. И. Шелк, 1991

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА „АЛАТАС“

Книгоиздательство „Алатас“, возникшее необыденно и устремленное к целям необыденным, с особым чувством выпускает в свет эту книгу.

Н. К. Рерих через бури разрушения, через тьму непонимания и через стены вражеских препятствий проносит в Будущее не расплесканную чашу Красоты и Мудрости. И тем самым он становится одним из величайших духовных вождей современности, к голосу которого с особой чуткостью должны прислушиваться молодые поколения.

Именно к молодым и новым людям направлены благие мысли автора Путей Благословения. Убедительно и бодро, к истинному пониманию красоты, к подвигу веселого труда зовет Рерих. И слова свои он первый обращает в действие примером собственной редчайшей самодеятельности, неустанного труда и подвига, любви и поисков тех сокровищ духа, которые, быть может, скоро откроют миру врата в небывало новую и радостную жизнь Благословенную.

Н. К. Рерих не только верит в это, но он, несомненно, знает многое такое, чего еще не знает мир при всей своей научной прогрессивности, но что рано или поздно должны будут знать все жаждущие истинного созидającego знания.

Если в мире существуют силы духа разрушения, то как же нам не верить, что на арене жизни должны явиться и силы созидające? И мы верим, что книга Рериха явится одной из первых стрел всепобеждающего Света, исцеляющего дух и пробуждающего в людях дремлющее Благо.

Вот почему нам радостно выпустить эту стрелу в тьму мира под знаком Алатаса.

ПУТИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

I

Как пчелы, собираем мы знание и укладываем нашу кладь в причудливые соты. По прошествии года, обремененные вещами, мы пересматриваем наши „сокровища”. Но кто успел подсунуть нам столько ненужного? Когда успели мы так затруднить путь свой? Но среди случайного и подлежащего, как печной перегар, уничтожению, всегда высятся веши, драгоценные нашему духу. Это они ведут человечество через все расы, через все круги достижений. Ступени к храму.

„Истинно, истинно! Красота есть Бог! Искусство есть Бог. Знание есть Бог. Вся слава, все великолепие, все величие есть Бог. Истинно, истинно!” – воскликнул индусский Святой, возвращаясь из состояния Самадхи. И придет новый путь красоты и мудрости. Лучшие сердца уже знают, что красота и мудрость – не роскошь, не привилегия, но радость, сужденная всему миру на всех ступенях достижения. Лучшие люди уже понимают, что не твердить только они должны о путях красоты и мудрости, но действительно вносить их в свою и общественную повседневную жизнь. Они знают, что европейский костюм не является признаком культурного человека. Они знают, что в наши дни, в дни смертельной борьбы между „механической цивилизацией” и грядущей культурой духа, особенно трудны пути красоты и знания, особенно тягостны нападения черной пошлости. Но они и не скрывают, что борьба тяжела и за ней уже растут крылья освобожденного духа. Вы знаете, что лучшие красоты природы создались на месте бывших потрясений земли. Вы знаете восторг перед скалами, пропастями, живописными путями старой лавы. Изумляетесь кристаллам и морщинам каменных цветных наслоений. Бесконечную красоту дают конвульсии космоса.

– Подумайте, сколько знамений явлено!

– Залила кровью мир война. Засухи, ливни нарушали людское устройство. Ушли озера. Обрушилась вершина Монблана. Явил лик голод. Сколько условностей отживающей расы уже развалилось.

И среди развалин людских условностей уже возникает

новая жизнь. И даже самые тупые начинают сознавать, что многое, зримое ими, не случайно. Новый мир идет!

Идет среди изумленных и потрясенных взоров. И в новом мире, в его новых храмах сложится новая жизнь, и в ней искусство и знание поддержат престол любви Божества.

— Благословенные ведут нас этими путями. Среди чудовищных умственных нагромождений изжитой ветоши видны уже признаки синтеза.

Узнавая будущее значение красоты и мудрости, люди поймут и пути их возникновения.

Сейчас надо мыслить об искусстве. Надо ощутить и утвердить высший проводник Духа Утешителя. Смотрите, в конце прошлого столетия истерлись старые стили. Жизнь наполнилась мертвенными подделками. Творения красоты стояли одиноко.

Обстановка жилищ, вещи обихода, средний уровень картин и ваяния дошли до предела фальшивого безразличия, и тогда немедленно появилась реакция. Но насколько отвратительна была подделка, настолько уже оскорбительна была реакция.

Возненавидели старых. И ненависть породила злобную беспомощность. Брызгая ядовитой слюной разложения, бросились создавать новые теории.

Точно неумелые дрогисты, они распределили искры Божества по склянкам и наклеили этикетки. Итак, на смену спесивому безразличию жизнь наполнилась всякими post' и ex'ами. И снова раздробленность дошла до предела. И снова стражи истинного искусства, как Роден, Пювис, Ван Гог, Гоген, Сезанн, остались одинокими, а вокруг них шла суматоха распятия красоты. Какой сюжет для старого Брегеля или Босха! То они были поработаны сюжетом, то они искали лишь форму, то они искали лишь краски. Они самовольно и глупо разделили искусство на высшее, декоративное, прикладное, коммерческое. Они извратили понятие реальности. Они разрубили единое древо. Они изогнули все, за что могли схватиться судорожные их руки. „Бедные они” — как сказал о них один большой художник.

Они забыли то, что звучит в каждом атоме звездного неба, перед чем их слепые теории кажутся жалкими заплатами. Они забыли о гармонии. Они не хотели знать, что близится время гармонизации центров. Они забыли, что таинственная прелесть искусства — его убедительность — кроется в путях его возникновения. Откуда придет, на том языке и говорить будет. В таинственных обобщающих путях искусства есть тот международный язык, который свяжет все человечество.

— Это не общее место, не truизм. Это надо подчеркнуть и выявить всеми силами духа, ибо люди забыли совершенно простой путь света и творчества.

— Язык людской — яркий и мощный в осуждении — стал дряблым и бледным при хвале и утверждении.

Но не примите сказанное за отрицание. Мы отрицаний не терпим. Ведь все „новаторы“ пытались сломить пошлость. И тем даже неудачная попытка должна быть оправдана. Все борцы против пошлости — в одном стане. Конечно, чем шире форма, тем вместительнее она. Не обойти великий закон вмещения.

И руководители жизни творят неусыпно. И можно радоваться ужасающим пределам нашего хаоса. Так из-под пены бури снова возносится омытый, сверкающий утес; уже близится творчество созидания и обобщения. И мы знаем не предсказания. Мы уже видим светлые признаки. Одинокие люди, разделенные горами и океанами, начинают мыслить о соединении элементов, о творческой гармонии. И мысли единства пролетают над миром. Молодежь уже пишет на своем трудовом щите:

“Cor Ardens” recognizes art as the universal medium of expression and evidence of live. It realises the phenomenon that ideals in art manifest themselves simultaneously in all parts of the world and therefore acknowledges the creative impulse irrespective of heritage. Art should be created with honest mind and from genuine necessity. Cor Ardens is a concrete move to bring together, at least in spirit sympathetic isolated individuals.

“We must walk the rising road of grandeur enthusiasm and achievement with all the power of our spirit”.

Разве в этих словах не звучит победа духа? Разве хаос не открыл врата единения? Разве разъединенные физически души не начинают понимать друг друга языком высшего благословения?

Друзья невидимые! Знаю вас. Знаю, как нечеловечески трудно вам превозмочь все условности жизни и не погасить ваш светоч. Знаю, как болезненно для вас идти под презрением тех, кто построил свою жизнь на темных понятиях денег. Знаю вас — одинокие — перед огнем, который кажется вам одиноким. Мои молодые друзья! Всегда молодые. Разве не видите, что около того же вашего огня сидят многие? И не одиноки сидящие у одного огня. И если рука ваша еще не ощутила пожатия, то дух ваш уже принял поцелуй брата.

Какие гигантские массы сдвинуты братскими усилиями. И каждое напряжение в направлении красоты и знания сияет сознанием, что единый луч духа ведет нас — тот луч, перед

которым вспыхивает экстаз духа, а тело трепещет в предчувствии.

Не дрожи, не бойся так, бедное сердце! Еще раз, опять после долгого срока ты научишься владеть мощью, которая так близка. Купель Красоты!

Велико значение искусства для будущей жизни! – Новый мир идет!

„Оставьте все предрассудки – мыслите свободно” – так Благословенный сказал.

II

Я знаю тебя, гомункулус. Это ты подсунул нам в дороге столько ненужных вещей. Это ты советовал нам не доверять всему молодому и „неопытному”. Это ты подставил внешние факты вместо фактов духа и сущности. Это ты позолотил рамы на картинах. Ты проник в советы и лиги и прикрыл стремление к совершенству обязанностью могильщиков. Ты очень трудишься. И в твоей незримой империи растет славное человеконенавистничество.

– Но как бы мал ты ни был, уже рассмотрели тебя. И узнали твои привычки. Ты боишься талисмана любви. И любовь подсекает твои создания. Любовь творческого совершенства. Ты мечтаешь засыпать ее старыми вещами. Ты думаешь, что пламя любви потухнет? Но ты забыл таинственное качество пламени. Оно зажжет любое количество свечей и не уменьшится.

– Где же тебе бороться! И если бы ты даже проник во все лиги наций, то ведь за нациями стоит человечество. И здесь трудолюбивый гомункулус не достигнет успеха. Ибо человечество все-таки, хотя и медленно, идет к гармонии.

Не кажется ли вам странным, друзья, что даже в наши дни, в дни наибольшей суматохи и страха, все-таки могут быть действительно выявляемы такие еще далекие понятия, как любовь, благо, совершенство, т. е. все спутники гармонии.

Гармонию часто не понимают. Смешивают с унисоном. Не понимают. Так же, как не понимали Нирвану. Но гармония не есть отвлеченное песнопение. Гармония, гармонизация центров, есть выявление деятельности, во всей ее мощи, во всей ее ясности и убедительности. Познавая, чего мы хотим, мы слагаем все наши центры в одно напряжение и даже преодолеваем все установления рока. Но дух-то наш знает лучше всего, где правда. И каждый наш поступок оценен духом воистину.

И вот этот дух также знает, что любовь и совершенство

будут применены в жизни, в простоте и ясности творчества. Если простота выражения, ясность желания будут соответствовать неизмеримости величия Космоса, то это путь истинный.

И этот Космос, не тот недостижимый Космос, перед которым только морщат лоб профессора, но тот великий и простой, входящий во всю нашу жизнь, творящий горы, зажигающий миры – звезды на всех неисчисленных планах.

Простота – неперемнное качество гармонии. Творчество будущего будет осенено простотою. Конечно, вы не смешаете простоту с примитивизмом, с нарочитостью.

Здесь разница так же велика, как между искусством и штампом. И часто в золотых рамах висит коммерческий штамп, а в плакате под вихрем и снегом треплется истинное искусство.

Но дух-то, хотя бы в молчании, знает, где штамп, где пошлость, и где радость и творчество.

– Молчаливо спрашивайте дух ваш, внося каждый предмет в дом ваш. Произнося заклинания против гомункулуса, обдумайте, зачем и как пришли вы к мысли приобщить к вашему очагу нового гостя.

Ведь эти молчаливые гости могут быть истинными друзьями, но могут стать и врагами вашего дома.

В осознании предметов лежит гармония их. И опять дух ваш знает врага и друга.

Знаем непреложные исцеления музыкой и красками. Вспомним мощь пения. Вспомним высокие подъемы в храмах, в музеях. Дом Божий! Дом Великой Тайны! И таинство Духа имеет подножием лишь красоту.

Конечно, вы любите искусство. И вы хотите о многом расспросить меня. Вы хотите знать, что лучше для гармонии дома: картины или стенопись. Лучше ли закрепить обстановку в неподвижности. Или жизненнее – идея Китая и Японии, где каждый день на стене комнаты помещается одна картина?

Наверно, вы хотите спросить, правильна ли идея наших современных выставок, где за обликом храма искусства притаился ларек торговца?

Учитель изгонял торгашей из храма. Учитель знал, конечно, что в нашей жизни без торгашей еще нельзя. Но он их изгонял именно из храма.

Так и в деле искусства. Конечно, торговля должна остаться. Но она должна быть вынесена из храма. Пусть будет честный праздник, пусть будет честная лавка. Но лавка в храме и личина храма в лавке вносят внутренний разврат

среди творящих и цинизм среди посещающих. Благоухание храма скует жест даже отъявленного циника, и гомункулусу приходится бежать.

Правда, гомункулус, вам все-таки придется уйти из жизни. Бессчетные молодые сердца просят вас уйти.

Очистив принцип обмена искусства, возможно ввести его в дом. Внести как бы свечу, зажженную в храме. И мысль стенописи, и ценная смена впечатлений Востока, все найдет свое место. Ибо правда бесконечна. И каждый отдельный случай утверждения искусства устанавливается сознанием духа. Кондуктор думает, что люди лишь ездят. В представлении сапожника люди лишь ходят. В представлении современного человека люди только терзаются. В знании Благословенного люди должны радоваться.

Правда, именно сейчас радость об искусстве звучит странно. Много говорят об искусстве и так мало вносят искусство в свою жизнь. И всегда находят превосходные отговорки и оправдания. Всегда виноваты самые убедительные обстоятельства. Все виновато, но лишь не виноват „цивилизованный человек“, ходящий смотреть на бой быков или на уличную драку, обставленную правилами „бокса“.

Здесь открыты и сердца и кошельки.

Но расспросите этих людей, много ли они сделали для искусства? И много ли они внесли искусства в свою жизнь? Они будут удивлены, и окажется, что пещерный человек каменного века имеет все преимущества перед этими завоевателями земли. В наши дни и об этом приходится говорить. Как же не говорить, когда именно сейчас некоторые правительства пытаются обложить свободное искусство особыми налогами. И тем еще больше затрудняют тернистый путь красоты. Здесь опять работа гомункулуса!

И в то же время лишь около десятой части населения вносит искусство в свою жизнь и что-то знает об искусстве. Двадцать процентов только говорят об искусстве и не применяют его. А семьдесят процентов вообще не знают или, лучше, не помнят уже, что такое искусство...

Но лучше, хотя бы механически, твердить: „благо, благо, благо“, нежели, хотя бы с усмешкой, повторять: „зло, зло, зло“. Этот относительный принцип уже усвоен многими. Так вот этим путем будем хотя бы один раз в неделю спрашивать себя, что мы за семь дней сделали для искусства?

Пусть и политики, и конгрессисты, и многие клирики и банкиры, и „деловые люди“, и все гордые своей часто сизифовой работой, пусть тоже усвоят себе эту нетрудную привычку. Там, где нельзя идти путем радости сознания, там

пусть протянется мостовая указанной дороги. Но усилия нужны. Иначе наши дни грозят особым бедствием для достижений искусства. Искусство должно цвести, и музыка духовного призыва должна звучать вне состояния биржи и вне заседания Лиги наций. И еще одно тоже „необщее место”. Со стыдом вспомним о том, о чем поистине необходимо вспомнить, и признаемся. В воспитании ребенка все еще забыто развитие творчества. Сперва стараются внушить ребенку массу условных понятий. Сперва ему преподают полный курс страха. Затем ребенка знакомят со всеми домашними ссорами. Потом ему покажут фильмы, где зло так изобретательно и блестяще, а добро так бездарно и тускло. Потом покажут детям все пошлые заголовки ежедневной прессы. Потом ребенка окунут в так называемый спорт, чтобы молодая голова привыкла ощущать удары по лицу и привыкла думать об ударах физических и о разбитых членах. И так сперва займут все время юноши, дадут ему наиболее пошлые и извращенные формулы. А потом он, засоренный и заржавленный, может начинать творить.

Это одно из самых глубоких преступлений.

К любой машине люди бережливее относятся, нежели к ребенку. Еще бы, за машину заплачены „всесильные” деньги. Ее нельзя запылить или залить грязью. А за детей деньги не платят. Но если машина портится от пыли и грязи, то как же разрушительно действует грязь духовная на нежный, молодой аппарат. В смертельной тоске ищет света маленькая голова. Смертельно болезненно чувствует всю оскорбительность. Болеет, затихает и часто поникает навеки. И творческий аппарат замирает, и отпадают все провода. Мы часто восхищаемся неожиданностью детского рисунка, или мелодией детской песни, или мудростью суждения детского. Там, где еще открыто, там всегда прекрасно бывает. Но потом мы замечаем, как ребенок перестает петь, перестает рисовать, и суждения его уже напоминают так называемые нарочно для детей сделанные книги. Значит, зараза пошлости уже проникла и все симптомы этой ужасной болезни уже появились. Появилась скука, появилась условная улыбка, появилось преклонение перед противным, наконец, появился страх одиночества. Значит, что-то близкое, руководящее, всегда присущее отошло, отодвинулось.

Не изгоняйте детей из храма. Ведь самые трудные вещи всегда так просты.

Откройте в школах пути к творчеству, к великому искусству. Замените пошлость и уныние радостью и прозрением. Развивайте инстинкт творчества с самых малых лет

ребенка. Уберегите от гримасы жизни. И дайте ему счастливую, смелую жизнь, полную деятельности и светлых достижений.

Бичи человечества — пошлость, одиночество и тягость жизнью — минуют молодую душу творящего.

Откройте пути благословения.

III

Как же вносить искусство в жизнь? Где же эти благословенные пути? Может быть, они недоступно трудны? Или требуют неисчислимых средств? Или только гиганты духа дерзают на эти пути?

Все уверения будут неубедительны. На эти сомнения можно ответить лишь страницей подлинной жизни.

Расскажу вам, друзья, о тех собирателях, которые сохраняли цветы искусства не для роста капитала, не для имени своего, а именно из любви, выросшей свободным сознанием.

Возьму четыре портрета моих друзей. Все они уже ушли от нас. Из них только один был богат средствами, а трое были богаты лишь своим светлым духом.

Богатый собиратель был московский коммерсант Третьяков. Ничто в семье не располагало его к искусству. Старый купеческий род скорее подозрительно смотрел на непонятное ему влечение. Но неожиданно молодого Третьякова потянуло к новому пути. И ошупью, руководясь личным чутьем, он начал собирать картины русской школы. Шел он одиноко, лишь иногда выслушивал совет знакомого художника. И не случайно начала складываться теперь знаменитая Третьяковская галерея в Москве. Подлинным чутьем любителя Третьяков понял, что правительство обычно пополняет свои музеи чаще всего официальными произведениями, минувшие лучшие вещи художников. И этот казенный лик музея не может отразить течение школы нации. Так было всегда. Так, боюсь, еще будет.

Искусство всегда цвело личным, горячим порывом. Он поймет, и найдет, и сохранит, и даст всему народу. И вот купец Третьяков понял государственную задачу искусства. И нашел свежие художественные силы и облегчил путь их. И, окружив чистым восторгом, сохранил их творения. Но свою радость он сделал народной радостью, и при жизни еще отдал городу Москве все свое замечательное собрание. И не малую задачу он себе поставил. Не просто собрал воедино массу ценных творений, а отразил в своем собрании всю русскую школу.

Все новое, яркое, значительное было усмотрено Третьяковым. Этот молчаливый, седой человек, в большой шубе, неутомимо посещал все выставки, и ничто не останавливало его, если он считал произведение значительным. К начинающему молодому художнику он поднимался по крутой лестнице в студию. Он был первым при окончании картины. Он был первым при открытии выставки. И за то он первый имел лучшие, характерные вещи.

Случилось так, что награда высших художественных учреждений считалась ничем сравнительно с приобретением Третьякова. И судьба начинающего работника решалась не Академией, но именно этим молчаливым, искренним человеком. Когда не хватило стен дома, Третьяков построил еще здание рядом. Если это было нужно, то оно должно было быть сделано. И искусство не должно было терпеть ущерба.

Конечно, кто-то может сказать, что с большими средствами Третьякова было возможно собирательство в таком огромном масштабе. Он мог избирать лучшее и мог получить столько, чтобы представить у себя всю русскую школу. Правда, средства дали этот масштаб, но качество собирания, любовь к делу и живое творчество в самом выборе вещей и людей — все это шло не от количества средств, а от бездонного богатства духа.

Так, один человек, сильный духом, сделал бесконечно важное государственное дело. И теперь, если бы правительство пожелало повторить Третьяковскую галерею, оно было бы бессильно, ибо порыв духа создал неповторимую комбинацию красоты.

Это — пример идейного созидания в пределах государственных. Теперь другой духовный лик. Та же сила духовного устремления при всей полноте борьбы со средствами.

Известный поэт и культурный деятель и гофмейстер двора императора граф Голенищев-Кутузов. В этом случае традиции рода способствовали развитию устремлений к искусству. Были большие исторические познания; был особый, глубокий поэтический дар.

Собрание состояло из картин старинных голландской, нидерландской и итальянской школ. Основное отличие собрания: не погоня за условным именем, но правда выявлений чудных творений. Собиратель понимал, что имена Рембрандта, Рубенса, Ван-Дейка являются именами чисто собирательными (коллективными), что только низший тип коллекционера гонится в темноте за пустым для него звуком. Но лучшее знание искусства открывает нам бесчисленное количество художников, поглощенных так называемыми крупными

именами. И задача культурного собирателя разобраться в этих забытых именах во имя правды. Если на признанной отличной картине Рембрандта найдется подпись Кареля Фабрициуса, его ученика, разве превосходная картина станет от этого хуже? Или мог ли Ван-Дейк писать две тысячи портретов в год? Конечно, нет, но у него было до двухсот учеников. Я знаю, как огорчен был бы граф, узнав, что одна из его любимых картин, принадлежащая неизвестному нидерландцу Haselaer'у, висит сейчас в Metropolitan Museum в Нью-Йорке под именем Иоахима Патинира.

Во имя правды граф Голенищев-Кутузов раскрывал истинные имена и насколько мог исправлял грехи своекорыстной человеческой истории. И какой любовью, интимностью дышало его изысканное собрание. При этом каждая картина была добыта с трудом, с лишением. Каждый новый член собрания возбуждал неодобрение многих родственников, жалевших трату денег. А средства были так скудны. Небольшого придворного жалованья не хватало на жизнь. И уходил отсюда этот собиратель, окруженный своими истинными друзьями — картинами. И завещал, чтобы его собрание разошлось и дало новую радость новым ищущим душам.

У всех вещей есть своя аура. Чуткий дух подбирает в окружающих предметах близкую ауру. Каким хорошим светом светилось собрание Голенищева-Кутузова.

Это — тип утонченного собирателя, который, работая и радуясь новой красоте и правде, посылает ее вновь служить облагорожению духа человеческого.

Теперь тип молодого собирателя. Собиратель по инстинкту еще со школьной скамьи. У мальчика, вместо свойственных возрасту радостей, растет стремление к художественным произведениям. Он с малых лет, не имея личных художественных способностей, отличается образованием и развитым вкусом. Его привлекает все прекрасное. Дух его стремится восходить. Он, наверно, когда-то был художником.

Какая радость была проводить время с молодым Слепцовым. Еще со скамьи лица он начал собирать картины. Не хаотичная, не случайная покупка это была. Он знал, что делал. И все деньги, данные юноше матерью на удовольствия, шли на благородное влечение. И если иногда был недостаток в деньгах, то энтузиазм общей задачи никогда не страдал от этого.

А общая задача была красива. Юноша полюбил определенных, очень тонко избранных художников и решил каждого из них представить во всех периодах деятельности. Сохранить и передать потомству полный лик творческой чело-

веческой жизни. В будущем юноше грезилось: каждому художнику будет предоставлена отдельная комната и вся обстановка комнаты будет отвечать характеру данного творчества. И мебель, и обработка стен, потолка, характер освещения и покрытия пола. Из этого можете заключить, какая тонкость восприятия была заложена в молодом духе и какая проникновенная любовь и забота окружала каждого представленного художника. В этих особых комнатах иногда должно было раздаваться избранное пение и музыка. Или должны были быть читаемы соответственные произведения. Словом, должна была быть осуществлена мечта о единстве искусства, о гармонии.

Радостно было слушать, как избиралось новое произведение для собрания. Какие тонкие и правдивые соображения высказывались, чтобы выделить и найти новую и достойную черту в творчестве художника. И вы видели в употреблении искусства не прихоть, но реальную культурную потребность. И эта тонкость культуры заражала окружающих. И мысль, и разговор очищались светлым восхождением духа.

Слепцов мечтал передать свое собрание народу, не заботясь об имени своем. Но слишком рано ушел он от нас. И ушел он необыкновенно. Он уехал верхом и не вернулся. Перешел неожиданно, среди природы, прислушиваясь к гармонии Космоса. Завидный переход — переход к новой прекрасной работе. Это — тип чуткой души с заложенными ощущениями будущей гармонии и единства.

Теперь еще один трогательный тип собирателя.

Очень бедный армейский офицер, служащий в отдаленной провинции, рвется всей душой к искусству. Лишая себя во многом, полковник Крачковский, всегда деятельный, горящий энтузиазмом, всегда приветливый, стремится собрать коллекцию образцов русской живописи. Конечно, он не может собирать крупных вещей. Он собирает небольшие размерами картины, эскизы, этюды, рисунки. Но по внутренней ценности его собрание становится очень значительным. Он стремится к лучшим художникам: он понимает, что часто эскиз ценнее самой картины. Он стремится выявить лик художника в чертах наиболее типичных. Это не покупатель дешевых картин — это истинный собиратель. При этом сам он часто нуждается в десяти рублях и для него величайший вопрос: заплатить десятью рублями больше или меньше. И он просит художника отдать вещь и настойчиво убеждает уступить.

И слово его действовало, и ему отдавали эскизы. И он радовался светлой радостью ребенка и писал восторженные

письма о новом сокровище. Как любил он искусство и каким высоким значением окружал он понятие истинного творчества. В завещании он оставил все свое собрание в общественное пользование. Но мало того, он завещал продать все его скромное имущество, все его обиходные вещи и на вырученную сумму приобрести еще художественных предметов и приобщить их к собранию.

Это — тип внешне незаметного, но глубоко значительного работника в пользу будущей культуры. Его пример останавливал внимание многих. И если бы вы читали его письма, писанные с поля сражений! Полковник Крачковский ушел от нас во время последней войны. Чистая душа!

Я мог бы показать еще много ликов, полных благородных исканий в разных областях искусства. Но и эти четыре лика уже устанавливают уровень культурных стремлений, так нужный человечеству.

Так бывает не в мечтаниях, но в жизни. Бывает искренне и действенно.

И улыбка радости сопровождает такие светлые задачи. До чего близки искания искусства достижениям духа.

Пора понять и запомнить и применить к жизни эти чудесные проводники.

И когда искусство войдет действенно и неудержимо и просто во все духовные, общественные проявления, тогда оно будет внесено и во всю современную жизнь.

И по этим каналам приблизятся ко всякому человеческому сердцу истинные пути благословения.

IV

„Скажи, кто твои враги, и я скажу, кто ты есть”.

Друзья, любите ли вы врагов ваших?

Умейте „гордиться” не только друзьями, но и врагами. Напрасно вы не любите врагов ваших. Вы должны их любить. Они такие старательные существа. Они так трудятся для вас. Они знают о вас больше, чем вы сами знаете. В старательстве своем они вам приписывают такие тонкие выдумки. В их представлении вы делаетесь и всемогущим и вездесущим. И часто враги помогают вам — вашим лучшим идеям. И удары врагов так часто дают новых, невидимых друзей ваших. Окончив свои „дела”, осмелевшие враги сядут в советы и митинги и будут без вас решать о вас. Но творчество жизни обернет все их решения. Как Миме у Вагнера, милые враги не будут знать, что именно они говорят. Потом они придут с разъяснениями, но все-таки врагами останутся. Пока не почувству-

ют удара искры — стрелы. Тогда, обедневшие, они делаются и осторожными и зрячими. И бывает все, как должно быть. Враги часто сердятся. А кто гневается, тот уже бессилен и неопасен. Истощив крик свой, они стараются замолчать вас, но как приятна работа в молчании. И криком и молчанием они полезны вам. Ах, милые враги, если бы вы иногда посмотрели, какой малюсенький человечек натравливает вас. Даже самые грубые сердца были бы сконфужены таким руководителем и союзником. Я уже не говорю обо всем том, когда явные враги заставили вас осмотреться, проверить ваше знание и двинуться с новым упорством.

Да будут благословенны враги!

Но почему вы занимаетесь врагами? Разве мало вам всех друзей ваших? — спрашиваете вы. Конечно, я говорю не для себя и, может быть, не для вас. Но говорю я для младшего поколения. Оно часто не знает, как поступить с первыми врагами, и вместо простого перехода через реку нагромождает утесы, теряя драгоценное творческое время. А ведь каждую минуту кто-то может быть научен и обрадован. Обрадован не деньгами, но радостью познания новых далей. Ведь если бы весь мир возрадовался хотя бы на одну минуту, то все иерихонские стены тьмы пали бы немедленно. Но до радости мира еще далеко. Часто мы так твердо заучили что-нибудь, что, если бы это было вовсе не так на самом деле, мы все равно будем настаивать на своем; вместо третьего глаза отказываемся от двух обычных.

Попробуйте на лесной дороге, опередив спутника, незаметно скрыться в чащу и пропустить его вперед. Потом вы можете окликать его сзади, и он будет ускорять ход и будет слышать зов впереди. Ибо мозг его знает, что вы должны быть впереди.

Отчего люди не видят синюю лошадь или зеленое лицо? Потому что вопреки очевидности их связанный мозг знает то, чего нет на самом деле.

Сколько споров о жизни, о религии, о знании, о красоте породили связанные мозги. Связанные оковами школ-тюрем. Вот и ваши враги так многое знают непреложно, что они даже помогут будущей культуре. Помогут для себя неожиданно. Они ведь решили задавить вас своими „великолепными“ материальными достижениями и вещами. Они водрузили стандарт свой оконченной жизни, оконченной расы. В гордости сознания законченности они обрезали все „ненужные“ провода. Что значит „бедный дух“ перед мощью складов, набитых хотя бы гнилой мануфактурой?

Враги уже готовы торжествовать и петь гимны своего

отрицания. Но происходит „глупая” вещь. Кто-то не хочет взять их товары. Время портит их заготовки. А, по-видимости, они не могут даже рядом лежать с изделиями самых древних эпох. И из-за груды хлама победоносно и неоспоримо покажутся лишь творения духа. Взглянем на музей нашей планеты хотя бы через одну тысячу лет. Что именно найдут потомки от наших дней, они, которые уже будут давно знать и атомическую энергию и мощь гармонии. Книги, газеты, бумаги, ткани стали уже пылью. Цемент и железо уже давно превратились в труху. Все краски стали желтыми и серыми. Многие изваяния развалились. Остатки кладбищ стали местами убожества. И рядом с этим печальным ликом еще останутся монолиты древних эпох, уже неоднократно знающие, что такое тысячелетие.

Много изделий врагов ваших унесет время. Правда, в битве очищения погибнут и некоторые друзья. Но те, которые поймут, что есть гармония, те сохранятся. Ибо они знают, что гармония заключается в соответствии всех частей и всех материалов. Кто знает, для чего творит он и что выражает, тот создает и соответствие материалов. Он поймет, как охранить книги – скрижали знания. Он поймет, что нелепо ставить цементное изваяние или писать картину заведомо плохими красками на гнилом холсте.

Мало-помалу люди поймут, что именно должно сохранить-ся и как именно сохранить это. Охранить – как след искры божественной энергии.

Но для того, чтобы знать, надо помыслить, надо создать моменты этого подъема, этого узнавания. Много людей в конце недели вспоминают, сколько они должны заплатить по счетам. Но немного людей хотя бы один раз в неделю вспомнили, что за семь дней они внесли в область красоты и знания. И тщетно искусство стучится в эти запертые двери. Этот стук сердца беспокоит мозг не более стука ветра. И еще плотнее притворяют ставни и завешивают шелковыми тканями всякий доступ воздуха.

Любить искусство никто не обязан. Большинство разговоров об искусстве поддерживается не любовью, но лишь приличием. Но тем не менее искусство и знание идут.

Постепенно усиливаемый электрический ток дает возрастающий свет. Затем свет вспыхивает особенно ярко и для нас погасает, но аппарат работает еще усиленной. Это значит, что зрение наше уже не воспринимает вибраций такого напряжения, но незримый свет растет.

Или перед вашими глазами начинает двигаться цепь товарных вагонов и заслоняет чудный пейзаж. Вагоны ускоряют

вой бег. В промежутки между ними начинают мелькать чертания природы. Поезд понесся быстро и вы начали видеть как бы сквозь него весь связный пейзаж. Препятствие физического тела исчезло.

Во тьме часто мы не видим растущий свет. Но зато если стремиться, то снова, сквозь нашу физическую оболочку, мы начнем видеть истинный мир в его истинном движении.

Так и сейчас часто мы не можем воспринять усиленных вибраций мировых движений. Но сквозь цепь товарных вагонов мы уже начинаем различать вершину гор, к которым рок нас движет. Мы вспомнили о современных условиях творчества. Вспомнили все Голгофы трудностей и подвиги достижения. Конечно, условия искусства и знания в современной жизни ненормальны. Конечно, мы должны знать это и ежедневно помнить об этом. Но если все движимо творческой любовью, чудом красоты и премудростью знания, то этот треугольник вы все же не опрокинете, ибо каждая сторона его выявляет две следующих.

И теперь, если мы знаем, что молодое поколение вспоминает о мощи устоев, то, конечно, оно перенесет это сознание через все трудности жизни. И произнося слова „братство“, „любовь“, „гармония“, мы произносим не смешные или неуместные слова, но говорим слова ближайшей практики жизни.

„Чудо творится среди жизни, среди действия, среди напряженной гармонии. Ночные видения претворяются не в сказку, но в явления счастливых общений с путями Благословенных. Окно, во тьму открытое, приносит ночные голоса, но зов любви принесет ответ Возлюбленного“.

Новый мир идет.

НЕОТПИТАЯ ЧАША

Приходят враги разорять нашу землю, и становится каждый бугор, каждый ручей, сосенка каждая еще милее и дороже. И, отстаивая внешне и внутренне каждую пядь земли, народ защищает ее не только потому, что она своя, но потому, что она красива и превосходна и, поистине, полна скрытых, великих значений.

Кроме прекрасной природы окраин, у нас бесконечно много того, что еще недавно считалось неценным. Чего не хотели видеть из окон вагона, когда, бывало, ездили „куда следует“ по словарю предрассудков. Чего не хотели знать, как вообще не хотели знать возможностей своей земли и своего народа.

Когда после простудной напасти стали меня в Крым от правлять, вопреки всему потянуло меня опять в Новгородский край. Коли пройдет, то и здесь пройдет.

За пределами оконного кругозора столько изумительных красот и в Водской и в Шелонской Пятинах, так близких по значению смысла Новгорода и так постыдно мало кому ведомых. Не об исторических местах говорю. Не о памятниках древности. Их тоже много. Музей — музеем. А жизнь — жизнью. И теперь как-то не нужно мыслить о былом. Теперь — настоящее, которое для такого великого будущего.

Припадая к земле, мы слышим. Земля говорит: все пройдет, потом хорошо будет. И там, где природа крепка, где недра не тронуты, там и сущность народа тверда, без смятения. Новгородцы бодры.

Бодры так же, как бодры их озера. Опасные, холодные, вольные. Такие же острые, как остры голубые глаза рыбаков озерных.

Суrowы так же, как непроходимы леса, которыми заси-нели дали. Не прошли и татары.

Мало кто стремится пробыть лето в Новгородских Пятинах. Избегают, потому что не знают. И не стыдятся не знать того, что под боком. А господин Великий Новгород знал свои земли. Боролся за них. И любил их.

Причудны леса всякими деревьями. Цветочны травы. Глубоко сини волнистые дали. Всюду зеркала рек и озер. Бугры и холмы. Крутые, пологие, мшистые, каменные. Камни стадами навалены. Всяких отливов. Мшистые ковры богато накинута. Белые с зеленым, лиловые, красные, оранжевые, синие, черные с желтым... Любой выбирай. Все нетронуто. Ждет.

Старинные проезжие пути ведут по чудесным борам. Зовут бесконечными далями. Белеют путевыми знаками — храмами.

Хороши окольные места по новгородскому, по устюженскому пути. Мста и Шелонь, Шерегород, Пирос, Миронег, Шлино, Бронница и Валдай. Иверский монастырь, Нил Столбенский, Возвышенности Валдайские. Все это — красота. Красота бодрая. Неописанная.

А вот и чудо. Не то чудо, что еще живы русалки. Жив еще „честной лес“. По городищам захоронены храмы. И не показались миру до сей поры. Верно, не время еще.

А вот чудо. Среди зеленого, мшистого луга, около овечьего стада наехали на ключ живой воды. Среди кочек широкая впадина. Чаша неотпитая. Яма — сажени в три шириной. Сажени три или четыре глубиной.

По краям все заржавело, забурело от железа. В глубине прозелень, синие тени, искры взлетов. Бьет мощный родник, песок раскидывает. Пахнет серой. Студеная вода полна железом и пить трудно. Сильно бьет родник по камням. Бежит в поле речкою. Никому и дела нет.

Такой ключ в селе Мшенцах. Еще известны ключи в Варницах. И грязи целебные. Варницы – старое место, еще при Грозном известное. До сих пор и это место зря пропадало. Там же и горячие ключи – тоже никому не нужные.

Живая вода по полю, по озерам разбегается. И странно, и больно, но и радостно знать, что даже на больших путях нетронуты такие находки. Давно показались. Ждут.

Знают, пройдет испытание. Всенародная, всетрудовая, крепкая делом Русь стряхнет пыль и труху. Сумеет напиться живой воды. Наберется сил. Найдет клады подземные.

Точно неотпитая чаша, стоит Русь.

Неотпитая чаша – полный, целебный родник. Среди обычного луга притаилась сказка. Самоцветами горит подземная сила.

Русь верит и ждет.

Сменцово, 1916.

ПЛАМЯ (письмо)

В измятом холщевом пакете я получил, наконец, письмо. Часть пакета была залита дождем или волною. Почти полгода я ожидал это письмо. Пока шло мое. Пока шел ответ. Ответ, вероятно, был задержан ледоходом и весенней распутицей.

Да и мог ли я ожидать ранее ответа на мои вопросы? Подумайте, скоро ли обернется письмо, на котором надо написать: „по дороге до города оттуда переслать по реке до устья Передать в село для пересылки с оказией до перевала, где вручить крестьянину села , а ему указано, как доставить по принадлежности”. Решаю напечатать письмо в том виде, как я его получил. Для меня и для многих оно – исторический документ об известном лице, материал для историка искусства. Для других содержание письма объяснит то, что их еще недавно так волновало и так удивляло. А для тех, которым без имен и местностей (я опушу лишь имена и название мест) письмо моего друга будет малопонятным и лишенным местного интереса, те пусть посмотрят на письмо как на страницу нашей сложной современности.

„Пламя” — так назову я это письмо. Мой друг употребляет в письме это слово неоднократно. Для него оно имеет особое значение.

Пусть друг мой простит, когда узнает, что я напечатал его частное письмо в точном изложении. В письме, видно, он допускает мысль, что содержание могло бы пригодиться писателю для театра. Но я счел нужным напечатать письмо так, как получил его.

Те, кто не верил человеку, пусть поверят залитому волною письму.

* * *

„Ты нашел меня. Ты хочешь, действительно хочешь, чтобы я сам написал тебе обо всем происшедшем со мною.

Отчего я уехал? Отчего скрылся? Где живу?

Ты пишешь о выдумках и ложных историях, обо мне распускаемых... Пусть, пусть, пусть.

Все описанное уже отошло от меня. Смотрю на прошлое, как на чужую жизнь. Или как на сон. Второе — вернее.

Сознаюсь, всякие выдумки меня теперь мало тревожат — выяснять я ничего не должен. Но если ты хочешь знать все, как было, — слушай.

Просто так, как было.

Ты спросил, где я сейчас? Слушай.

На севере. На острове. На горе стоит дом. За широким заливом темными увалами встали острова. Бежит ли по ним луч солнца, пронизывает ли их сказка тумана — их, кажется, бесчисленно много. Несказанно разнообразно.

Жилья не видно.

Когда солнце светит в горах особенно ярко, — на самом дальнем хребте что-то блестит. Мы думаем, что это жилье. А может быть, это — просто скала. Налево и сзади сгрудились скалы, покрытые лесом. Черные озерки в отвесных берегах. На одном месте камни напоминают старую основу жилища. Нам кажется, что раньше, давно, здесь уже кто-то жил. На огромном валуне кажется выбитою цифра 3 (три) или буква З. По лесам иногда представляются точно старые тропинки, неведомо как возникшие. Незаметно исчезающие...

А может быть, все это — просто воображение...

Массив нашего острова очень древен. По всем признакам вулканические образования давно закончились. На таких массивах можно бы осуществить нашу давнюю мысль о постройке храма, где сохранялись бы достижения культуры нашей расы. Где на самых прочных материалах, самыми прочными способами будут запечатлены все лучшие достижения чело-

вечества. Будут изваяны лучшие чертежи и вырезаны наиболее полезные формулы. При непрочности наших обычных материалов, при невероятной преходящности бумаги, красок и всего — такое хранилище — было бы величественно. Тайник знания. Знание для знания. Великое творчество.

Опять мечтания...

Молчаливый человек на черной сойме иногда привозит нам запасы пищи, книги и вести из нашего прежнего мира. Измятые, желтые листки, точно опавшие листья с далеких деревьев.

Тот же человек увозит вести от нас и нашу работу. Увозит. За далекой Чертовой горой скрывается его парус. Точно в бездну бросаем. И не знаем, кто ждет наши посылки. И так дробится власть людей. Так размельчается власть вещей рукотворных.

При отъезде человека на сойме нами овладевает какое-то странное чувство. Но никто не произнесет вслух, что хотелось бы уехать с ним, туда, дальше поселка, где много бочек и рыбы. Через несколько часов это чувство проходит. Человеческое влияние опять нас минует. Такое же странное чувство наполняет нас всякий раз, когда вдали черной точкой покажется сойма. Он ли? Один ли? Впрочем, и это ощущение скоро проходит. Надо изгонять эти ощущения. В основе их — малодушие.

Но человекообразием мы все же не покинуты. В облачных боях носятся в вышине небесные всадники. Герои гонятся за страшными зверями. В смертельных поединках поражают темного змея. Величественно плавают волшебницы, разметаив волосы и протягивая длинные руки. На скалах выступают великие головы и величавые профили, грознее и больше изваяний Ассирии.

Если же я хочу посмотреть на труд, войну, восстание, то стоит пройти к ближнему муравейнику. Даже слишком человекообразно.

Не буду говорить, насколько мы все всегда заняты. Сколько всегда остается невыполненной работы.

Не буду говорить о чудесах нашего края. О глубоких, эмалевых красках камней. О самородках серебра, меди, свинца. О парчовых, затейливых коврах мха.

Не буду описывать прекрасные картины заката и восхода. Не скажу о великих грозах и сказочных туманах. О сверкающем снеге не буду говорить. Пройду мимо веселых игр волн под утесом.

Не скажу о пещерах и скалах, таких извилистых, таких причудливых...

Не остановлюсь на разноцветной весенней листве, на пышном золоте осенних уборов. Даже не скажу о таинствах засыпающей и вновь проснувшейся природы...

Все это остановило бы внимание настолько, насколько все это вечно чудесно. А это было бы длинно. И не скоро удалось бы перейти к той истории, которую хочу записать. Мне хотелось только намекнуть тебе о том, что мы видим, что мы слышим. И почему мы любим нашу гору, наш остров.

Вообще помни о севере. Если кто-нибудь тебе скажет, что север мрачен и беден, то знай, что он севера не знает. Ту радость и бодрость и силу, какую дает север, вряд ли можно найти в других местах. Но подойди к северу без предубеждения. Где найдешь такую синеву далей? Такое серебро вод? Такую звонкую медь полуночных восходов? Такое чудо северных сияний?

Надо писать так, как было.

Часто мы не верим хроникам и запискам старинных художников. Почему? Неужели в нашем представлении они непременно должны были изменять и приукрашивать события? Не верим ли мы, зная себя? Не доверяем ли яркой жизни среди серых потемок? Среди тюрьмы, в которую мы пытаемся жизнь обратить?

Но жизнь всегда ярка. Лучше, чем сама жизнь, все равно не выдумать.

Только надо припомнить и сложить именно так, как было. Надо уметь понять истинное первое впечатление. Надо уметь выявить сущность, очистить ее от случайных придатков, хотя бы отдельно и поучительных.

Все это один раз по просьбе уже было описано мною. Кажется, даже лучше и подробнее было написано. Но рукопись, видимо, пропала при пересылке, что совсем неудивительно, — ведь путь очень труден.

Еще один раз, — последний, я заставляю себя для тебя записать все бывшее. Если не все, то хоть главные части; если и этому письму не суждено дойти, то значит — не судьба.

Вот отчего выстроил я дом на горе, которую исследователи называли моим именем. Вот почему я начал отыскивать эту мою гору. Вот почему я часто повторяю слово „пламя”.

Теперь мое пламя уже другого цвета. Я спокойно могу определить цвет памяти бывшего. Спокойно я не назову людей, злобно раздувших огонь. Люди уже прошли. Но обстоятельства остались. Их припомнить можно. Обернуться глазом добрым. Без имен. Без времени.

Ты знаешь, друг, что картины мои мне нужны, мне близки, только пока я творю их. Как только песнь пропоется, она уже отходит далеко. После окончания я уже не согласен с картиною. Охотно изменяю ее. Даже уничтожаю. Мысль и умение стремятся вперед. Все сделанное ранее уже слишком несовершенно.

Чтобы избежать последствий вражды моей к ранее написанным вещам, жена моя взяла себе все оконченные картины. Мне спокойнее, если я знаю, что уже не властен изменить прежнюю вещь.

Так же было и с скитой картин, объединенных названием „Айриана Ваэджа”.

Уж давно хотел я вместо отдельных вещей, случайно показанных, произвольно разбросанных, сделать ряд картин, подчиненных одной сущности. Сочиненных, спаянных в неразрывном соответствии красок и формы.

Ты ведь знаешь, что обычаи наших выставок меня всегда удручали. Какая-то подотчетность, подневольность. Торговля в храме. Будни — в празднике. Праздник — в буднях. Наши выставки — разве это праздники творчества? Право — поденщина. Отчет. Обязанность. Конторская книга. Все это со временем изменится. Всему найдется свое место.

Теперь о картинах.

Трудно было остановиться на пределах желанного цикла картин. Предположений было много. Но одно казалось узким. Другое — ничтожным. Третье — неизобразимым. Но все в искусстве создается не теориями, не надуманными учениями, не узким направлением, а только стихийно. Только под знаком водительства духа. Это водительство подсказывает, что нужно делать...

Вообще будьте осторожны с теориями искусства. Если вам скажут о теориях и поставят их во главу творчества — не верьте. В этом уже скрыто чье-то бессилие. Это не важно.

Мощь искусства именно в его безотчетности, в его, повторяю, стихийности, в его благой интуиции. Только в таких устремлениях — победа искусства, его таинственная убедительность и заразительность. Интуиция открывает подлинную радость духа.

Сколько бы тебе ни твердили о значении произведения, но, если оно само не сообщает тебе свое непосредственное очарование, все уверения, все законы будут бессильны.

В чем это очарование? В чем истинная правда произведения? Где границы радости и подъема, сообщаемого искусством? Насколько разнообразны выявления искусства? — Мы

не знаем. К счастью, не знаем. Но чувствуем эту беспредельную, несказуемую тайну.

Если мы не знаем о каждодневных предметах. Если мы не знаем о душе человеческой. Если мы не знаем, что такое электричество, то нам ли знать о значении и пределах искусства? Нам ли знать о всех способах его выявления?

Благо, что искусство есть, что мы его ощущаем, что оно дает и заполняет лучшие стороны жизни. Может быть, единственно ценные стороны жизни. Да будет благословенно все, что проходит в жизни под знаком водительства духа.

Совершенно непонятно, почему около искусства всегда гнездится столько вражды и ненависти, уже далеко за пределами соревнования. К чему?

Может быть, и эти темные знаки нужны. Не они ли порождают мистическую Голгофу искусства? Она нужна при всяком подвиге. А в искусстве нужен подвиг. Слышишь, необходим!

Заварился и оформился задуманный ряд картин. После двадцатилетней работы и борьбы с разными явлениями жизни я удалился надолго от всяких случайных общений. Покинул разные должности, хотя бы и очень почетные. Отбросил весь шум и беготню, которые мы часто принимаем за жизнь. Даже от многих друзей отошел.

Ковал мою „Вазджу”.

Люди объявили, что я бросил работать. Другие шептались, что я обезумел. Но я ничего не слушал. Твердо помнил, что в этой жизни ценен лишь труд творчества. Только он дает спокойствие мысли. Только он открывает глаза на красоты, нас окружающие и незамеченные лишь в суете случайных человеческих общений.

Если бы люди знали, как часто они вредят друг другу. Как легко избежать это. Какой поток благости легко может залить пламя злобы?

В тишине, среди прекрасных поездов, среди восхождений на одинокие горы я написал двадцать пять вещей.

Они составляли неразрывное целое. Должны были быть как ожерелье из самоцветов. Их должно было смотреть лишь в определенном порядке. Так, чтобы светились не только краски одной картины, но и соседние вещи были бы так же нужны, как и части каждой картины между собой. То же задание было и в отношении распределения формы и линий.

Не знаю, удалась ли картины? Были ли они хороши? Знаю только, что в течение работы, среди неизбежных сомнений, эти картины дали мне много радости.

По обычаю я отдал законченные картины моей жене.

Вскоре, через ближайших друзей, узнали о законченном цикле. Воздвиглось жестокое любопытство и друзей, и тех людей, которые называют себя любителями искусства. Все хотели увидеть мои картины.

Чтобы понудить меня показать им картины, люди пускались на всякие выдумки. Одни утверждали, будто картины вообще не существуют. Будто я уже давно бросил работать и провожу время в бесцельной праздности. Другие рассказывали и шептали, что хотя какие-то картины и написаны, но они так плохи, что и показать их нельзя. Третьи сочиняли, что тайное общество, в которое я вступил, не разрешает показать творения непосвященным. Четвертые болтали о неслыханных иностранных предложениях, на которые я будто бы уже согласился, а вещи уже уложены и навсегда вывозятся в чужую страну.

Всякий выдумывал по-своему, и все это сопровождалось шумом и обидами.

Если что недоступно, оно всегда особенно занимает людей. Всеми выдумками и нелепыми домогательствами люди заставили меня решиться показать картины. Жена противилась этому. И теперь слышу голос жены моей, говорившей:

— „Не хочу выставлять эти вещи. Именно эти. Они мои. Я знаю, я чувствую, что не должна показать их. Смейтесь! Я знаю, что мое чувство — ничто для вас!” И я тоже слышал эти слова. И я все-таки промолчал. И мне тоже было тяжело, но обещание уже было вырвано...

Зачем я допустил эту уступку? Зачем обратил я праздник в страдание? Зачем сам способствовал росту лжи?

Так, значит, должно было быть.

В назначенный день собрались все позванные. Были обиды, недоразумения... Кому-то не передали приглашения... кто-то пришел незванный. Не все ли равно? Пришло много разнообразных людей. Были художники, писатели, любители, друзья.

Смотрели долго. Подробно. Шептались. Водили друг друга по кругу картин.

Потом начался мой праздник. Я увидал, что труд мой не пропал. Недоброжелательство потонуло в общем подъеме. Произошло то, чем ценно искусство. Созданное оказалось убедительным. Заразило зрителя. Сделало его участником действия.

Стали требовать, чтобы я выставил эти вещи. Я отказался. Я был тверд, несмотря на все соображения о всеобщем достоянии искусства, о всенародном значении творчества. Жена поддержала меня.

Тогда возникла новая опасность. Владелец крупных изданий зажегся мыслью издать мои картины. Издать новым, каким-то замечательным способом. Он оставался долго. Остался после всех. Невероятными доводами он убедил и меня и жену мою. Мы разрешили воспроизвести картины его способом. Мы сделали уже вторую ошибку.

Затем возникло новое, казалось, непреодолимое препятствие. Для нового способа издания картины должны были быть хотя бы на короткое время перенесены в печать.

Жена наотрез отказала выпустить вещи из дома. И вот возникла ужасная выдумка. Добиваясь издать картины, этот человек предложил сделать с картин точные копии и перенести в печать только копии. Этот человек был дьявольски изобретателен. Он все умел объяснить — „краски в воспроизведении тона всегда несколько изменяются и потому точные копии будут вполне достаточны”.

Произошла третья ошибка. Дьявольская выдумка оказалась приемлемой.

Этот же дьявол нашел того, кто бы мог сделать точные копии. Кто сохранил бы мой характер письма и избежал чего бы то ни было лишнего.

Помнишь ты, того молодого художника, который несколько раз был моим помощником. Вещи ему очень нравились, и он охотно согласился скопировать их. Кроме того, издатель заплатил ему щедро, а это давало ему возможность выполнить давнюю мечту. Побывать в Мексике для розысков остатков Атлантиды. В этих мечтах об Атлантиде я же был виноват. Неужели я буду препятствовать их осуществлению? Пусть едет. Пусть ищет Атлантиду. И я опять молчаливо согласился. Промолчал там, где должен был запретить.

Милый очень прилежно работал над копиями. Сделал их точно и быстро. Работал углубленно и, видимо, с подъемом. Копии я утвердил.

Копии были перенесены в печать. Мой сотрудник спешно уехал в Мексику. Искал ли он Атлантиду? Нашел ли? Вернулся ли теперь? Ведь о нем более ничего не знаю.

И тебя, мой друг, тоже не было тогда. Мне кажется, если бы ты был тогда со мною, что-то сложилось бы иначе. И я не имел бы повода писать тебе теперь отсюда письмо.

Значит, опять произошло так, как нужно.

Все это время были мы в какой-то тревоге. Где-то что-то непоправимое совершалось, но мы не знали, а только чуяли это. Ждали известия. Ждали звонков. Смотрели на часы. А что ждали, и не знали.

И настолько встревожились, настолько напряглись нервы,

что когда издатель, бледный, ворвался с криком: „Печатня сгорела. Картины погибли“, — мы даже не удивились.

Вот оно: обрушилось то, что уже висело над нами. Мы еще не знали размеров разрушения, но ощутили водоворот. Стало холодно. Что-то подкралось. Что нужно было сделать, мы не знали. Повторяли: „Вот оно“.

То, молчаливое, вошло.

И замкнулся извилистый круг. Одна ошибка родила другую.

Все разгласилось.

Хуже всего, что издатель очень крупно застраховал картины, не указав, что это копии. Это было бы ему невыгодно. И он умолил, оказывается, еще раньше моего уехавшего сотрудника о молчании.

Страховое общество прислало мне премию за картины. Крупную премию. Оказывается, издатель всюду утвердил слух о том, что ему удалось достать мои подлинные вещи.

Выходило, что я точно сделался соучастником его.

Промолчав в начале, я не знал, что сказать потом.

Когда мне прислали страховую премию, я не мог оставить ее у себя. Не принять ее я тоже не мог (ты чувствуешь и мольбы и угрозы издателя). На всю сумму я купил картин и отдал их музею.

Помнишь, как объяснили тогда мой поступок.

Кто-то сказал, что я хотел подкупить общественное мнение. Для чего подкупить? Глупо. Уже цепь волочилась за мною.

А пламя уже разгоралось.

Чужое несчастье всегда приятно людям. Я оказался в глазах их несчастным. Сердца людей всегда открыты вниз. Если они вообще открыты.

Кроме того, картины уже не существовали. Никого они более не задевали. Никому не причиняли тайных неприятностей.

Сердца всех раскрылись.

Трудно представить себе изощренность всех сожалений. Ты издали все-таки слышал о моих происшествиях. Да и трудно было не слышать.

Пожар скромной печатни заблестел на весь мир. Не превеличиваю.

Какие образцовые письма я получил. Теперь у меня лучшие образцы соболезнования. Все слова стали еще более яркими, нежели при осмотре картин.

Различные общества почтили меня прочувственными адресами. Иностранные академии избрали меня почетным чле-

ном. Географическое общество назвало моим именем вновь открытую гору на севере.

Подумай только, какой повод для писаний.

Пропал труд двадцати лет. Мечта жизни – наконец воплощенная – истреблена беспощадной стихией. Истреблена накануне обнародования. И целый ряд благородных свидетелей выступил. И показания их становились все ярче. Право, я сам готов был поверить всему случившемуся, если бы за драпировкой не стояли оригиналы.

Я был подавлен.

Молчал.

На молчание мое не обижались. Приписали его горю. Наоборот, молчание мое только усиливало потоки сочувствия.

Какие красивые статьи появились в печати! Сколько красивых слов!

А картины стояли укрытые у нас. И с каждым днем необходимость окутывала их больше и непроницаемее.

Издатель извивался змеей. Каждый приход его вызывал во мне ужас. А он все приходил. Сторожил. Берег посеянную им ниву.

Почему тебя не было со мною. С тобой мы решили бы что-нибудь.

Мой сотрудник не давал о себе вестей. И сейчас я еще не знаю, вернулся ли он? или погиб среди поисков светлой сказки? Одно безумие порождает другое. Я пробовал рассказать друзьям о том, что подлинные картины целы. Они качали головами и советовали мне развлечься или начать новую работу.

А за спиной издатель делал им знаки и шептал, что именно оригиналы у него сгорели. Когда же, наконец, я призвал его и грозно убеждал открыть истину, он умолял пощадить его, ибо у него уже не было путей отступления. Он делался даже преступником. Загнанный в угол, он показал зубы и наемкнул о моем невольном попустительстве.

А тебя все не было. А пламя разгоралось.

Я продолжал безумие начала.

Я решил показать еще раз подлинные картины.

Опять картины стояли на прежних местах.

Было то же самое освещение. На полу лежали те же ковры. И, казалось, сам воздух мастерской был тот же.

И люди были те же. За исключением трех, четырех случайных, все сошлись.

Так же ходили по кругу. Так же шептались.

Но глядели смущенно.

Они не поверили.

Долго молчали потом. Искали часы. Вспоминали о назначенных часах.

Куда-то спешили. И ласково, ласково жали руку.

Они не поверили.

Смотрели – слепые. Слушали – глухие. Неужели мы видим только то, что хотим увидеть?

Скрылся издатель. Все разошлись. Молчание.

Мы знаем и слышим, что сознание правоты всегда дает мощь и силу перенести все, решительно все.

Это так и есть.

Но ведь для этой мощи нужен покой, тишина.

Нужна пустыня тишайшая. Нужен храм пустынный с всем великолепием облачного зодчества.

А когда такой храм далеко?

Когда пламя то пылает?

Вот тогда оно блестит. Оно затемняет.

И когда я через несколько дней понял, что мне не поверили, что картины найдены плохими повторениями, тогда алое пламя возникло.

О том, что не поверили, начал я узнавать стороной. Постепенно. Как-то глухо и мягко. Но в мягкости этой была беспощадность. Люди знали бесповоротно, что за время молчания я спешно повторил мои картины. Люди видели ясно, что повторения были несравненно хуже, слабее оригиналов

Да и немудрено. В спешке. В огорчении.

Можно ли сделать так же хорошо, если первое достижение было так общепризнанно блестяще.

Да и не стал ли мастер слабеть?

Всегда приятно первому найти момент ослабления. Даже просто заподозрить ослабление гораздо проще и гораздо менее ответственно, нежели решиться утверждать восхождение

Не так ли?

К тому же все знали о том, что оригиналы были превосходны, что они сгорели, что спешные копии должны быть слабее.

Это ясно. Это и дети поймут. А „умудренный” человеческий ум разве может иначе мыслить?

Люди доказательно знали, что перед ними повторения. Это тоже ясно. И вот когда к одной ясности прибавится еще целый ряд человеческих ясностей, тогда затемняется глаз и мутнеет ум.

В печать проникли сообщения. Тоже мягко и постепенно.

Опять хвалили мои прежние вещи. И тонко, тонко, как лезвие ножа, добавляли – повторения всегда далеки от оригинала...

Пламя пылало.

Из темных углов высывалась гримаса издателя и, скаля зубы, твердила:

— „Ведь говорил, надо было сжечь оригиналы. Была бы вместо них куча золы, а на ней покачивалась бы тишина и слава. А теперь куда пойдете вы с вашей правдой? Куда завела вас эта правда? Сожгли бы и пепел все покрыв бы...” Вот какие гримасы появились. Эти гримасы, освещенные пламенем, были страшны.

В ошибках надо уметь сознаваться.

Первая ошибка была, когда я согласился показать картины. Раз сердце говорило против, не следовало соглашаться. Но ведь всегда трудно отделить первое верное ощущение от следующих житейских наслоений.

Вторая ошибка — когда я промолчал о выдумках и проделках издателя. Но всего не предусмотреть. Как предугадать, если чьи-то мысли направляются во зло? И все-таки его жаль. Жаль человека, который хотя и небескорыстно и заблужденно, но все-таки служил искусству. Ведь об искусстве много говорят, но в уклад жизни оно вошло еще так мало. Так мало к искусству истинной непреодолимой потребности.

Третья ошибка — когда решил в последнем доверии к людям вторично показать картины. Тем довел до ложных ощущений всех, которые вторично увидели подлинные вещи.

Без вторичных смотрин все эти люди сохранились бы без ошибки. Я их обманул тем, что ради истины показал правду. Наши глаза так несовершенны, а ощущения духа так засорены у большинства современных людей, что обмануться в том, что они видят, совсем не трудно.

Не изумлен ли ты, что пишу я о моем потрясении спокойными словами. Точно не о своем. Сознаюсь, так говорю я теперь. Но тогда мыслил я совершенно иначе.

Тогда пылало алое пламя. Пламя гнева. Пламя безумия. Оно застлало глаза. Заполнило смысл сущности.

Теперь я уже могу говорить другими словами. И пламя не красно уже. И я могу не обвинять человечество. Да и виноваты ли те люди?

Итак, все знали, что в несравненно худшем виде повторены прежние превосходные картины. Пробежало даже мнение, что сам ли я писал прежние вещи. Кто-то даже сообщил, что известны те иностранные художники, которые за большое вознаграждение работали для меня. В оправдание мне приводились примеры из истории искусства, когда работы Фабрициуса принимались за работы Рембрандта.

Все эти суждения постепенно докатывались до меня. До-

катывались беспощадно и преувеличенно. В бесконечном кошмаре. Каждый газетный лист, каждый звонок был вестником новых измышлений. И потом, эти анонимные письма. Кому есть досуг измышлять их?

Пылало красное пламя. И вспомнить несносно. Решили мы бросить развалины и пепелища. Уехали на любимые наши высоты. Наскоро построили дом. Осели на мшистых коврах. Начал я мыслить. Даже начинал работу.

Но и здесь тащилась цепь.

На этот раз настоящая, железная. От шума цепи мы раз проснулись.

Около нашего дома тащили цепь. И шумели. И цепь звякала. Тащили ее беспощадно. Точно переехали жизнь.

Оказалось: через нас должна пройти железная дорога. Не ближе, не дальше. Через нас. Пришли строители. Сказали, что нас нужно срыть. Мы не у места. Через нас путь пройдет. Прошли. Звенели цепью. Стучали.

И опять бесповоротно. И человечески ясно.

Пламя пылало.

Куда нам деваться? Показалось тесно.

Я вспомнил о горе, о моей собственной горе. Начали о ней узнавать. Писали. Спрашивали. После долгих трудов отыскали. Собрались на ней поселиться.

Во время долгого пути были приступы малодушия. Те же приступы были во время устройства жилья. Ведь все давалось так трудно. Всего было. Но ведь это всегда так бывает. Человечество всегда ползет, как раки из корзины; все сомневается; куда-то стремится, не понимая ценной сущности стремлений своих.

Среди блужданий и сомнений всегда приходят нелепые, недостойные мысли. Показалось, что некуда податься. Привиделось, что все закрыто. Что все кончилось. Закрыто. Кончилось — среди необъятного мира. Среди всей необозримости данных человеку возможностей. Теперь и вспомнить стыдно.

Вообще, бойтесь алого пламени.

Оно выедаёт все ценные условия восхождений и ясного сознания. Это пламя — пламя судороги, припадка, но жить и созидать среди этого пламени нельзя. И как при некоторых болезнях надо менять место, так от алого пламени надо спастись бегством. Стыдного тут ничего нет. Просто нужно сознательно сохранить силы. Направить их к ценному труду. Право, все так необозримо. Так хорошо! И у нас есть труд. Труд, наполняющий все время. Труд, в далеком идеале анонимный, в котором мы ответственны лишь перед собою.

Еще смешная подробность. Вскоре после отъезда моего

на север кому-то пришла мысль похоронить меня. Все, что мы не видим, нам кажется несуществующим. Это было крайне поучительно, но огорчений не принесло. К тому же мы кончали постройку дома. Работали спешно. Далекие статьи и заметки нас только позабавили. Выиграли лишь собственники моих картин, ибо вещи сразу еще поднялись в цене. Да и старая ненависть поникла: ведь смерть и голод — это то, чего люди больше всего боятся. Это более всего объединяет.

Знаем, что суждения все преходящи. Всегда, по два, по три раза в течение века меняются приговоры людей. И ничего они не значат, ни худое, ни хорошее. А избранные имена составляют чаще всего не что иное, как имена массовые, среди которых скрыто очень многое для нас, случайно поглощенное жизнью. Не знаем многое.

Но знаю я, что работаю. Знаю, что работа кому-то будет нужна. Знаю, что пламя мое уже не алое. А когда сделается голубым, то и об отъезде подумаю.

И будет все так, как должно быть.

Хочу радоваться.

Человек, находясь в природе, всегда похож на ребенка. Ребенку случается видеть тяжелый, мучительный сон. Но стоит ему только открыть глаза, и он снова увидит себя в раю.

Прежде мы говорили: познание есть скорбь. Теперь скажем: познание есть радость. Ибо восторг радости глубже скорби.

Отчего затемнело? Отчего помутнело сознание?

Одна мать, держа на руках своего младенца, спрашивала, что есть чудо? Спрашивала, отчего чудеса не встречаются в нашей жизни. Держа в руках чудо, она спрашивала о том, что есть чудо?

Мы окружены чудесами, но, слепые, не видим их. Мы напоены возможностями, но, темные, не знаем их. Придите. Берите. Стройте.

Но приказ звучит.

Пламя меняет цвет.

Я чувствую силу начать новую страницу жизни. Мне ничто не мешает. Бывшее уже не касается меня.

И глаз мой вперед обращен. Потому я и записал в последний раз для тебя о бывшем. Меня все это более не касается. И со встреченными людьми мы прикоснемся уже новыми гранями сущности. Я рассказал тебе точно сказку, пригодную для театра, сказку о том, как мы смотрим — слепые.

Кому она пригодится, сказка моя?

Но не только для театра может она пригодиться. При случае ты можешь ее рассказать тем людям, которые себя

считают непреложными знатоками искусства, которые высокомерно раздают определения и наименования. Чувствуют ли ушедшие мастера, что выкраивается из их творчества?

Знатокам пригодится мой случай из жизни. Или для собственного успокоения они сочтут все списанное вымыслом?

Будет так, как должно быть.

Медведь вышел на меня, но остался я цел. Огонь касался меня, но не сгорел я. Подломился лед подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступалась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовали меня, но побеждала правда. Был обвиняем в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберегся. Бедствовал с глупцами, но устоял. Так было нужно. Это правда, никому не сказанная.

Сказал Иоанн: „Не болей, придется много для Родины потрудиться”. А ведь после болезни он не видал меня десять лет. И узнал. Остановил и сказал.

Во всех бедствиях приближались новые люди. Нежданные. И протягивали руку. И предупреждали зло. И несли помощь.

Вот стоим перед темнотою. Знаем властные зоны и провозвестия, не знаем происходящее.

Не знаю о друзьях. Не обменяю друзей моих на врагов. И горжусь, что эти друзья были друзьями. Знайте это, друзья мои.

И врагами моими горжусь. Врагами мне посланы те, кого постыдно было бы друзьями считать.

Назвать нашу жизнь бедной нельзя. Жизнь была особенной. Немногие ее знали. Волком, в стае, я никогда не ходил. Пусть буду медведем, лишь бы волком не быть. Поймете?

Делаю земной поклон учителям. Они внесли в жизнь нашу новую опору. Без отрицаний, без ненавистных разрушений они внесли мирное строительство. Они открывали путь будущего. Они облегчали встречи на пути. Встречи со злыми, встречи с глупыми и с безумными...

И природа помогала в этих встречах. В ней забывались люди. В ней копились силы против злобы и против глупости. Невежество и пошлость. Еще страшнее злобы они.

Где оно — облако благодати, чтобы покрыть ожесточение сердца? Какою молитвою молчания можно вернуть тишину? Каким взором можно взглянуть в бездну неба? Все строения разрушаются бездонным творчеством облачным. Не в храм рукотворный, но в пустыню тишайшую отдам молитву мою.

Выше облачных сводов не созидалось храмов. Ярче звезд и луны не осветили огни торжеств. Измышления человеческие не испепеляли грознее молнии. Не уносили из жизни мощнее урагана. Где отличить то, что должно погибнуть, и то, что должно породить следствия. В великана Голиафа верили толпы, и что для них был Давид?

Среди безумия толпы что им чудо? Какими бы словами ни говорить людям о чуде, они будут глухи к этим словам. Понятия вражды и ссоры им гораздо ближе. Нужно уничтожить все, что угрожает и вредит мирному строительству, знанию и искусству. Всякая распущенность мысли погибнуть должна. Всякая невежественность погибнуть должна.

Кончится черный век наш. Что произойдет еще?

Неужели еще раз увижу себя расстроенным? Неужели еще придется уйти в тишину? Кто уж заставит меня сделать это? Как будут выглядеть эти люди? Но тогда, друзья, вы узнаете все немедленно, чтобы сердце ваше не ожесточалось напрасно. И тогда расскажу не только тебе, друг, но и другим, которых я еще не узнал.

Расскажу смелым искателям, опьяненным загадками; расскажу чтецам звездных рун, чьи души привлекаются песней. И там, где вы можете знать, вы будете презирать доказательства. Эти смешные нелепые показания свидетелей. Слепых и глухих. Друзья мои, я вас еще не знаю, но вы уже проходите близко. Озаренные пламенем. Друг, ты, может быть, торопишься куда-то по делу?

Или спешишь на обед? Или должен вежливо отвечать на какие-то случайные вопросы? И тебе сейчас далеки мои строки?

Шучу. Знаю, что эти строки тебе близки. И душа твоя не торопится. Уже не боится влияний...

Больше писать не могу. Человек на сойме кончил свой лов. Торопит с ответом. Если не успею отослать теперь, то задержу месяца еще на два. А может быть, и дольше.

Уже нагромождаю второпях. Хочется еще многое сказать. Так ты получишь? Где получишь?

Кончу.

Мы увидимся. Непременно увидимся.

Не только увидимся, но после работы еще поедem с тобою или в или на берега в Туда, где нас ждут, где ждет нас работа. Ведь об этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма.

Звучит благовест. Даже сюда залетают зовы.

Кончу словами белой книги. Помнишь, ее мы любили вместе читать:

— — — „Знай, что то, которым проникнуто все сущее, неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое.

Преходящи лишь формы этого воплощенного, который вечен, неразрушим и необъятен.

Поэтому сражайся”.

Милый, веди свою битву! Мощно веди! Разве мы не увидимся? Знаем, где ждут нас.

Душевно с тобою”

* * *

Кончаю тем, чем начал.

Прости меня, друг, если я напечатал твое письмо.

Знаю, ты простишь меня. О тебе писалось всегда много ложного. Часто твои дела истолковывались неверно. Так же и будет много писаться. Такие же будут толкования. Но ты всегда стремился к ясности. Мечтал о возможности жизни, открытой перед лицом всех людей. Мечтал о ясном труде. Ты вспоминаешь нашу милую белую книгу.

Продолжу из нее:

„Взираи лишь на дело, а не на плоды его. Да не будет побуждением твоим — плоды деятельности.

Отказываясь от привязанности, оставаясь одинаково уравновешенным в успехе и в неудаче, совершай деяния в слиянии с Божественным”.

Верю, что ты вернешься. Жду тебя, друг мой.

Tulola. Сентябрь 1918.

АДАМАНТ

Мы много увидели и много узнали...

Кто разрешит задачу построения могучего водопада? А между тем в пене и накипи скрыт великий творческий рисунок. В волнах мирских потрясений часто стираются дела, но зато начинает властвовать сущность сознания.

С священным сознанием народов в наши дни особо повелительно прибавляется лозунг: искусство и знание. Об особом значении этих великих понятий для нашего и для будущего времени надо сказать именно сейчас. Тем — чьи глаза и уши еще не засорены мусором обихода, чьи сердца еще не остановлены рычагом машины „механической цивилизации”.

Искусство и знание. Красота и мудрость. О вечном и обновленном значении этих понятий говорить не надо. Еще вступая на жизненный путь, ребенок уже инстинктом понимает всю ценность украшения и познания. И лишь впоследствии под гримасой обезображенной жизни эта молитва духа затемняется, а в царстве пошлости она даже кажется или несвоевременной, или уже ненужной. Да, современность доходит даже до такой чудовищности.

Много раз мне приходилось стучаться в эти врата. Говорю: „Среди ужасов, среди борьбы, среди столкновений народных масс сейчас более всего на очереди вопрос знания, вопрос искусства“. Не удивляйтесь. Это – не преувеличение, не общее место. Это – решительное утверждение.

Вопрос относительности человеческих знаний всегда был болезненным вопросом. Но теперь, когда все человечество испытало последствие заградительной проволоки, когда в жизнь вошло столько знания, этот вопрос стал насущным. Люди привыкли не только думать, но и бесстыдно говорить о предметах, которые они явно не знают. Самые „почтенные“ люди болезненно повторяют мнения, ни на чем не основанные. И такие суждения вносят в жизнь великий вред. Часто неизгладимый. Бесчисленны лживо знающие и почитающие себя.

Должны мы сознаться, что за последние годы европейская цивилизация сильно потрясена.

Конечно, то, чего еще не достигло теперь человечество, ему суждено. Трудом и самоотверженностью придется строить основы культуры. Ведь цивилизация – еще не культура.

Знания, затворенные в хранилищах и заключенные в умах учителей, опять мало проникают в жизнь. Опять не рождают действенных подвигов созидания.

Жизнь наполнена еще скотскими велениями брюха. Мы приблизились к черте страшного, заколдованного круга. Заклясть его темных хранителей, вырваться из него можно только талисманом истинного знания и красоты.

И пришло время этого исхода.

Сознаемся, что человечество сильно одичало. Нужды нет, что оно еще носит европейский костюм и по привычке произносит особенные слова. Но под костюмом – дикое побуждение, а смысл произносимых слов, часто великих, трогательных, объединяющих, уже затемнен. Пропадает руководящее знание. Люди незаметно привыкают к темноте.

Без ложного стыда, без ужимок дикарей сознаемся в этом. Сознание есть уже ступень преуспевания.

Мало знания. Мало искусства. В жизни мало тех устоев, которые, единственно, могут привести к золотому веку единства. Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если мы вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно — крошечное царство пошлости.

Молодые поколения еще не приготовлены заглянуть смело, со светлой улыбкой в ослепительное лицо знания и красоты. Откуда же придет познание сущности вещей? Откуда придут мудрые взаимные отношения? Откуда придет единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных, твердых движений. Только на почве истинной красоты, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником будет международный язык знания и красоты искусства.

Только эти проводники могут установить глаз добрый, так необходимый для будущего созидания.

Путем вражды, грубости, поношения все равно никуда не прийти. Ничего не создать. Но сущность человека все же стремится к справедливому познанию.

Вот скажу не общее место, не пустое слово. Скажу убежденное устремление подвига: „Единственная опора жизни — искусство и знание. Именно в наши трудные дни, в наше тяжелое время будем твердо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях и в боях будем исповедовать всеми силами духа”.

Вы говорите: „Трудно нам. Где же думать о знании и красоте, когда жить нечем. Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить раньше важные дела”. Отвечаю: „Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство — не роскошь. Знание и искусство — не безделие. Пора уже запомнить. Это молитва и подвиг духа. Неужели же, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепоею? Или от беззаботного безделья? Нет, молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва духа наиболее нужна, когда все существо потрясено и нуждается в твердой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора тверже? А чем же дух зажжется светлее?”

Ведь не голод ощущаем. Не от холода сотрясаемся. Дрожим от колебания нашего духа, от недоверия.

Вспомним, как часто, трудясь, мы забывали о пище, не замечали ветра и холода и зноя. Устремленный дух окутывал нас непроницаемым покровом. — „Оружие не рассекает его. Огонь не палит его. Вода его не мочит. Ветер его не сушит.

Ибо нельзя ни рассечь, ни высушить его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незабываемый, извечный он. Один почитает его за чудо; другой говорит о нем как о чуде; третий слышит о нем как о чуде, но и услышав, никто не знает его”.

Великая мудрость всех веков и народов о чем говорит? О человеческом духе. Вдумайтесь в глубокие слова и в вашем житейском смысле. Вы не знаете границы мощи вашего духа. Вы не знаете сами, через какие непреодолимые препятствия возносит вас дух, чтобы опустить на землю невредимыми и вечно обновленными. И когда вам трудно и тяжело и будто бы безысходно, не чувствуете ли вы, что кто-то помогающий уже мчится к вам на помощь. Но путь его долог, а малодушие наше быстро. Но ведь он идет и несет вам и „Меч мужества” и „Улыбку смелости”. Говорили о семье, покончившей жизнь угаром от отчаяния. Ведь это нестерпимо малодушно. Ведь при будущей победе духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будут терзаться, ибо не приложили труда своего к тому, к чему должны были. Не все ли равно, какой труд. Утопающий борется с волной всеми мерами. Но если силен дух его, то и сила духа его умножится безмерно.

Но чем же вызовете дух ваш? Чем вскроете то, что у многих засыпано обломками обихода? Твержу, повторяю: красотой искусства, глубиной знания. В них, единственно в них заключены всепобедные заветы духа. И очищенный дух вам укажет, которое знание истинно, которое искусство подлинно. Верю, что вы сумеете призвать себе на помощь дух ваш. Он, ваш руководитель, покажет вам лучшие пути. Он поведет вас к радости и победе. Но и к победе он поведет вас путем, ступени которого скованы лишь знанием и красотой...

Всему миру приходит трудное испытание. После средневековых испытаний огнем, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры, но если сила духа возносила людей против огня и железа, то та же сила вознесет их на ступени знания и красоты. Но это испытание труднее древних искусств. Готовьтесь к подвигу, творимому в жизни ежедневно. А теперь отнеситесь бережно ко всему, что двигает культуру. С особой признательностью подойдите ко всему, что выявляет ступени красоты. Ведь сейчас все это особенно трудно. И с особой заботливостью и нежностью мы должны произносить имена, проводящие в жизнь то, чем мы гордимся по праву.

Много серьезных вопросов, но среди них вопрос культуры будет краеугольным.

Что может заменить вопрос культуры? Продовольствие, промышленность — тело и брюхо. Но стоит лишь временно

устремиться к вопросам тела и брюха, как интеллект неизменно падает. Весь уровень народа понижается.

Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность не строили истинной культуры. И надлежит особенно бережно обойтись со всем, что еще может повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

При всех новых созиданиях, при новом строительстве линии просвещения и красоты должна быть лишь повышена, но не забыта ни на мгновение. Это не отвлеченное суждение — наоборот, ближайший распорядок.

Миру предстоит славное строительство. Подрастающее поколение вне всяких повседневных нужд должно готовиться к подвигу истинного, веселого труда.

* * *

Во внутреннем строительстве нашем неутомимо мы должны под благим знаком просвещения вносить красоту и знание в широкие народные массы, вносить твердо и деятельно, помня, что сейчас предстоит не идеология, не формулировка, но именно дело, творчество, сущность которого понятна и ясна без многословия.

Не слова, но дело. Мы должны помнить, что лик красоты и знания излечит народ от распушенности мысли, внушит ему основы достояния личного и общественного, откроет сущность труда и в лучшем понимании укажет народу путь высоких достижений духа. Но для этих простых основных усвоений народ должен подвижнически выявить взаимное благожелательство, единение и уважение к многообразным путям духовных поисков, к сотрудничеству.

Народ должен навсегда духовно оборониться от пошлости и дикости, должен из обломков и из самородков, с любовью найденных, слагать Кремль великой свободы, высокой красоты и глубокого знания.

Знаем, что эти пути красоты и знания особенно трудны сейчас. Знаем, что материальная сторона предательски овладела человечеством, но мы и не скрываем, что надо искать путь подвига.

* * *

И в Лондоне уже было утверждаемо: „Всячески надо стремиться возглашать и широко проводить в жизнь задачи подлинного искусства и знания. Помня, что искусство и знание — лучший международный язык. Помня, что сила народ-

ная заключается в его духовной мощи, которая крепнет из источников живой воды. Помните народную мудрость — сказку: источник мертвой воды, т. е. все, что для тела, связал, соединил члены разрубленного тела, но оживить тело можно было лишь из источника живой воды. Те священные источники должны быть открыты для исцеления мира. Нет зрителей — есть только работники.

Сейчас приходится говорить простыми, ясными словами, точно на площади; приходится твердить и повторять без устали. Сейчас жизнь наполнена старыми знаменами, изношенными, как стертые, негодные лики монет. Сейчас жизнь наполнилась условными, бесчисленными наименованиями. Сейчас забыт „Человек”. Просты и ясны слова человеческие, но еще проще и яснее общечеловеческий язык творчества со всей таинственной убедительностью.

Молодежи предстоит подвиг истинного внесения в жизнь творчества и знания. Так замкнутые книгохранилища, как обернутые к стене картины, так вне жизни стояло часто искусство и знание. Но поколение молодежи должно подойти действительно и жизненно. И труд, самый простой труд обихода, должен озариться исканиями и победами. Ведь пути искусства в их вековых наслоениях так углублены и бесчисленны, а истоки знания так бездонны. Какая веселая трудовая жизнь предстоит вам, начинающим работать.

Красота и мудрость. Именно молитва духа вознесет страсти на ступени величия. И вы, молодежь, можете всеми мерами требовать открытия этого пути. Это ваше священное право. Но для осуществления этого права вы должны научиться открыть глаза и уши и отличить правду от лжи. Не идеология, а действенное усилие необходимо. Железо ржавеет. Даже сталь разъедается и распадается, если ее не обновлять живоительно. Так и мозг человеческий костенеет, если не дадите ему совершенствоваться неукротимо. А потому учитеесь подойти к искусству и знанию. Эти пути, легкие потом, часто трудны в начале. Превозмогите! И вам, молодежи, предстоит одна из наиболее сказочных работ — возвысить основы культуры духа, заменить механическую цивилизацию культурой духа; творить и создавать. Конечно, вы присутствуете при мировом процессе разрушения механической цивилизации и при созидании основания культуры духа. Среди народных движений первое место займет переоценка труда, венцом которого является широко понятое творчество и знание. Отсюда ясно, что в поколениях народа первое место займет искусство и наука. Кроме того, эти два двигателя являются тем совершенным международным языком, в котором так нуждается

мятущееся человечество. Творчество — это чистая молитва духа. Искусство — сердце народа. Знание — мозг народа. Только сердцем и мудростью может объединиться и понять друг друга человечество. Новые правительства напишут на знаменах своих: молитва труда, искусство и знание, — и поймут, что вносящий истинную государственность не может ни на минуту забыть о подвиге жизни. Иначе строителю нет путей и его ожидает разрушение.

Повторяю, твержу, как заклинание: „Вы, молодежь, имеете право всеми мерами требовать от правительств путей искусства и знания. Со спокойной совестью вы должны иметь возможность сказать, что даже в самые тяжкие минуты вы помнили о великих устоях — о красоте и мудрости. Вы не только помнили, но и по мере сил вносили в жизнь этот подвиг, который заменяет радость разрушения истинной радостью созидания. И в таком сознании — залог вашей будущей светлой жизни. Ведь вы знаете: вне искусства далека государственность. Вне искусства темна наука. Вы ведь знаете, что подвиг духа жизни творится не одними пустынноиками и столпниками. Подвиг творится здесь среди нас во имя того, что считается самым священным, самым близким Великому духу. И сознание подвига жизни раскроет вам путь нескончаемо прекрасный.

И вот теперь обращаюсь к вам со словами об искусстве и знании. Ведь вы, рыцари народа, рыцари духа, не останетесь во граде мертвых. Не разрушением, а созиданием должно кончаться всякое слово. Знаем, что такое мощь созидательной мысли. И вот теперь перед ликом великих поисков мы должны сказать слова, идущие из источника самого лучшего: „Оставьте все предрассудки, мыслите свободно“. А все помысленное во имя красоты и мудрости будет прекрасно.

И еще скажу вам: „Помните, сейчас пришло время гармонизации“ центров, это условие будет краеугольным в борьбе против „механической цивилизации“, которую ошибочно иногда называли культурой. Заброшенный мелочами обихода, варварски искореняемый дух уже восстает. И растут его крылья. И мы не одиноки в нашей борьбе. Мощный проводник Суами Вивекананда говорит о значении искусства: „Dont you see, I am, above all, a poet“. „That man cannot be truli religions, who has not the faculty of feeling the beauty and grandeur of Art“. „Non appreciation of art is cross ignorance“.

Рабиндранат Тагор кончает статью „What is Art“ словами. „In art the person in us is sending its answer to the Supreme Person, who reveals Himself to us in a world of enless beauty across the lightless world of facts“.

Друзья, сохраняйте вашу светлую, творческую волю. Нет иного пути.

И вы, друзья, в рассеянии сущие. Пусть и к вам просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. Вас зову. К вам обращаюсь. Во имя красоты и знания, для борьбы и труда соединимся.

ОДЕЯНИЕ ДУХА

I

Перед нашими духовными глазами прошли блестящие шествия народов. И каждый из этих странников в течение многих веков вложил свою лепту в сокровищницу культуры. И прошли многие народы, и в труде и в борьбе положили свои приношения. Но еще не наполнена сокровищница мира! И среди бесчисленных жертв в сплетениях тканей, камней и металлов все еще смутно чудится истинный лик человечества. Сколько неотложной работы для всех!

Но одно понятие уже вошло в жизнь. Мы поняли, что все вещи, все детали жизни не создались случайно. Все они полны значения, накопленного веками. Если каждое слово, если каждая буква имени нашего имеет особое значение, если каждый шаг жизни обусловлен следствиями и причинами, то, значит, с каким же вниманием мы должны присматриваться к каждому проявлению великого творчества. Одни уже сознают ясно, другие еще как бы во сне прозревают, что вокруг них идет сложная созидательная работа и какие-то неведомые им условия создают законченные аспекты новой жизни! И какие кажущиеся нам мелочи часто в корне изменяют весь строй нашего существования. Почему-то в одном обществе люди чувствуют себя удобно. Почему-то в иных условиях люди легко выходят из себя, доходят до страдания и чувствуют полную невозможность действовать успешно.

Сколько светлых догадок и предположений! Сколько темных и невежественных заключений! Но к догадке прибавляется опыт. Опыт просветляется знанием. И люди начинают понимать, что пределы реального мира действительно необозримы, что понятия „мистицизма” чаще всего оказываются просто следствиями невежественности. И отрицающий великую реальность всего сущего так же невежествен, как отрицающий беспроволочный телеграф, радиий, передачу снимков на расстоянии и все те реальные научные вещи, которые так недавно казались сказкой. В приступе самомнения и глупо-

сти человек начинает отрицать все то, что его ум сегодня не знает, что его затемненное ухо сегодня недослышало. Но ведь в свое время отрицалась и возможность открытия Америки! Примеры разновидности невежества не нуждаются в опубликовании.

Но жизнь протекает. Понемногу люди начинают понимать, что такое „реальность“, начинают сознавать, что жизнь наша полна блестящих возможностей, часто неоткрытых, еще чаще забытых. Часто уже сообщенных в символах, которые дикому взгляду современного „цивилизованного“ человека кажутся детскими или дикарскими стилизациями. Но все-таки мы помним, что каждая черта старого орнамента полна векового значения. И все-таки мы сознаем, что каждая гамма красок создает какое-то могущественное настроение.

Могущество цвета! Люди, имеющие перед собой все могущественные цвета божественного неба и земли, они пытаются ослепить себя, лишь бы не допустить давно сужденную им радость. Но, одев все серые, желтые и черные стекла, рассудок людей все-таки пытается пробиться и доказать мощь цвета. В наши дни начинают вспоминать связь музыки с цветом; начинают вводить в церковь цветные освещения для концентрации настроения; начинают лечить цветом.

Робко пробивается в жизнь то, что должно заявить о себе властно. То, что среди будущих духовных прозрений принесет новую радость затемненному человеку. Люди — цветы Божьи! Но не странно ли, что теперь поле этих цветов покрывает землю таким черным траурным покрывалом? Самая праздничная толпа наша заливают лицо земли черною, серою лавой. И, точно лава, толпа выедает на пути своем всякую радость. Может быть, жизнь создает достойную современности гармонию? А между тем даже во время итальянского Возрождения толпа могла мешаться с цветами полей, не доливая их чернилами. Как же помочь? Может быть, просто перебить черное поле толпы яркими пятнами? Но ведь даже бык бесится от неожиданного яркого цвета. И если продолжим сравнение толпы с полем цветов, то мы ясно вспомним, что даже самые яркие выражения природы никогда не оскорбляют глаза, ибо космическое творчество всегда гармонично.

Выявление этого творчества может даже ослепить наш слабый глаз своею мощью, но оно никогда не дает соединения оскорбительного.

Но как же перейти от ступени нашего современного слабого глаза к ощущению космической правды? Может быть, мы навсегда или надолго утратили пути правды и света? Может быть, лишь при совершенно исключительных условиях жизни

мы можем прозреть? Или надо сменить жизнь для того, чтобы очиститься? Так каждый из нас в тишине ночи мучительно спрашивает себя: закрыты ли нам врата света и правды?

И в то же время наш дух подсказывает нам, что ничего запрещенного нет. Тайный голос властно нам шепчет: „Все близко, все должно быть жизненно и практично”. И самообновление всей нашей жизни должно быть просто: должно быть начато здесь, среди нас, ибо дух человеческий – этот мост ко всему светлому и руководящему – никогда нас не покидает. Где же признаки? Покинуты ли мы? Не вводят ли нас в заблуждение?

Не в этой лекции мне говорить вам о разных светлых возможностях человеческого духа. Здесь я укажу лишь один из бесчисленных примеров. Все вы, конечно, слышали о цветных аурах, излучаемых людьми. Вы знаете, что ауры меняются сообразно нашим духовным достижениям. И каждая мысль наша может и просветлить и затемнить нашу ауру. Каждый носит при себе мерило своего духовного достижения.

На изображениях святых мы видим сияние, т. е. стилизацию общечеловеческой ауры, особо ярко выраженной у высоко духовных организмов. Конечно, речь о цветных аурах всегда считалась областью мистицизма. Даже теологи смущенно говорили о сияниях святых. Но человечество опять поняло, что все должно быть жизненно и практично; среди своих находений люди опять нашли способ механически выявлять ауру. Теперь вы можете пойти в научный институт и вместе с рентгеновским снимком получить и снимок вашей ауры. Не говоря уже о том, что некоторые люди видят ауру обычным путем зрения. Но какое же отношение имеет сказанное к вопросу о костюме? Конечно, огромное и ближайшее значение.

Когда вы поймете значение и смысл цветной человеческой ауры, вы тем самым поймете значение цвета в нашей жизни, вы поймете, что такое гармония цветов. И не только поймете, но почувствуете, насколько просто и близко от ваших рук еще одно средство для лечения больной современности.

Еще одна „тайна” природы станет для вас доступной, так же как легко может стать доступным практический смысл окружающих нас стихий.

Все должно быть так просто. И все должно нести радость. И женщине, именно ей, суждено принести ближайшие, будущие радости мира. Становясь знающим, становясь практичным, вы понимаете причины вашего доброго или отрицательного отношения к людям и вещам. Сознательно и бережно вы

выговариваете слово „гармония”. И это сознание уже направляет ваш путь к будущему просветлению.

Если дух наш узнал что-то, то, поверьте, остается лишь вопрос времени, когда мозг овладевает новым ему сознанием.

Человек носит вечное цветное одеяние духа. Человек мыслями сам окрашивает свою драгоценную одежду в избранные им самим цвета. Человек ищет себе соотношение в окружающей жизни. Человек, конечно, понимает, что мощное сочетание цвета действеннее, нежели испуганный потушенный цвет мыши, цвет сумеречного угасания. И тогда вы чувствуете могущество цвета в жизни вашей. Вашей лучшей аурой вы притянете себе лучшие излучения. Лучшие цвета вещей косвенно помогут вашей духовной одежде зажечься светлее. Все должно быть жизненно. Всюду должно быть сцепление обоюдной помощи. Человечество уже узнало светлую и темную магию знака — магию линии. Большинство старинных орнаментов носят в себе следы благих линий. И потому источник этих наслоений часто очень благостен. Теперь человечество овладеет мощью света. И потому вопрос костюма и обихода помимо красоты внешней заключает в себе великое значение внутреннее. И мы сейчас уже условились, что слова: „мне нравится”, „мне подходит”, „меня радует” — могут иметь глубокое и должное значение. И вся жизнь полна этими великими знаками. И пустой доселе покой наполняется не призраками, но множеством нужных и прекрасных предметов. И вы, как воин, вооружаетесь ими во имя блага, которое каждый из нас должен нести в мир.

Если же кто-нибудь улыбается — не понимая сейчас внутреннего значения сказанного — пусть улыбается. Потом он так же улыбнется своему неведению.

II

Установив значение костюма и обихода вообще, обратимся к частному случаю. К случаю наших так называемых русских костюмов.

Если мы предпослали общечеловеческое основание наших ощущений в жизни, то и в этом случае установим путь общечеловеческого значения русского костюма.

Для выявления общечеловеческого конгломерата пример России особенно интересен.

Вы знаете, что великая равнина России и Сибири после доисторических эпох явилась ареной для шествий всех переселяющихся народов. Изучая памятники этих переселений, вы понимаете величие этих истинно космических переселений.

Из глубин Азии по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И пробившись до океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова обернулись к России.

И снова принесли ей обновленные формы своей жизни. Если в России можете сейчас насчитать до 300 различных наречий, то сколько же языков, уже вымерших, оживляло ее безбрежные „степи“. После общечеловеческого иероглифа каменного века мы в последующие эпохи встречаем в недрах русской земли наслоения самые неожиданные; сопоставление этих неожиданностей помогает нам разобраться в лике русской действительной жизни. Для иноземного глаза понятие русского костюма может быть и не так сложно. Чужой глаз иногда не заметит разницы и в тысячу лет. Но для нас самих так называемый русский костюм распадается на бесчисленное количество видов. И случайность соседства, и условия местности, и время — все обуславливало особенности костюма.

Даже сейчас в 250 верстах от Петербурга около Пскова живет особая народность „полуверцы“, сохранившие не только особый костюм, но и совершенно особый язык.

Простая русская крестьянка не имеет понятия, какие многоцветные наслоения она носит на себе в костюме своем. И какой символ человеческой эволюции записан в ее домотканых орнаментах!

Еще сейчас в Тверской и Московской губерниях мы видим орнамент из древних оленей. Изображения этих животных относит взгляд наш непосредственно к каменному веку. В то же время в тех же местах вы встретите ясно выраженную монгольскую вышивку. Или найдете ясные формы готского украшения.

В остатках скифов, в степях юга нас поразят претворения вещей классического, эллинского мира.

В верхнем Поволжье и по берегам Днепра вы будете изумлены проблемой сочетания прекрасного романского стиля с остатками Византии. А в византийских остатках вы почувствуете колыбель Востока, Персии и Индостана. Вы чувствуете, как хитрые арабские купцы плыли по рекам русским, широко разнося сказку всего Востока до берегов Китая. Вы знаете, как навстречу им по тем же водным путям викинги несли красоту романеска, напитавшего одно из лучших времен Европы. И вы верите, что дворцы первых князей киевских могли равняться по великолепию и по красоте с прославленной палатой Рогеров в Палермо.

С XII века Русь окутана игом монгольским. Но и в несчастьи Русь учится новой сказке, учится песне победного, коче-

вого Востока. В блеске татарских мечей Русь украшает орнамент свой новыми, чудесными знаками.

И высятся главы храмов. И все время идет внутренняя духовная работа. И святой Сергий кончает татарское иго, благословив последнюю битву. В русских иконах мы видим перевоплощение итальянского примитива и азиатской миниатюры. Но эти элементы поглощаются творчеством народным и дают свое новое целое. Дают русскую икону, перед которой справедливо склоняется весь мир.

Как прекрасны и гармоничны фрески древних храмов: какое верное чутье величественной декоративности руководило древними художниками. И писали они так, чтобы смотрящий думал, что „стоит перед ликом Самых Первообразных” (святых). Опять великое духовное сознание.

Как разноцветны московские храмы! Как крепки колонки-устои Пскова и Новгорода. И мы всегда помним, как даже в татарском иге мы почерпнули новую силу, а благодаря пожару при Наполеоне Россия получила вместо деревянной новую каменную Москву. Так и в настоящем, и в будущем.

Все подробности архитектуры и всей жизни русской обуславливают и подробности костюма. При общечеловеческом сотрудничестве слагается и смысл общечеловеческий.

Когда мои половецкие костюмы в „Князе Игоре” проникли в моды Парижа — разве это была только экзотичность? Нет, эти костюмы, сойдя со сцены, став около старых стен Лувра, не испортили жизнь и внесли еще одну жизненную ноту. Теперь, почему нас могут сейчас интересовать костюмы из „Снегурочки”? Случайно ли? Или сейчас есть на то особые основания? О России так много говорят. Так стараются понять ее. Но путь глаза и уха — лучший непосредственный путь. И правда, легенда-сказка „Снегурочка” показывает часть подлинной России в ее красоте.

Островский, реалист-драматург, только раз в жизни отдал вдохновение сказке. Римский-Корсаков отдал „Снегурочке” молодой запас сил. И легенда убедительна своим подлинным эпосом.

Все элементы влияний на Россию видны в „Снегурочке”. И время сказки — поэтичное время славян, почитавших силы природы, — дает светлую атмосферу ликования природы. Мы имеем элементы Византии: царь и его придворный быт. Но и здесь царь является отцом и учителем, а не деспотом.

Мы имеем элементы Востока: торговый гость Мизгирь и Весна, прилетающая из теплых стран. Мы имеем народный быт. Тип легендарного пастуха Леля, так близкого с обликом индусского Кришны. Типы Купавы, девушек и парней ведут

мысль к истокам поэзии – к земле и к весеннему Солнцу.

И, наконец, мы имеем элементы Севера, элементы лесных чар, царство шамана: мороз, лешие, Снегурочка.

Вне излишней историчности, вне надуманности „Снегурочка” являет столько настоящего смысла России, что и все элементы ее становятся уже в пределы легенды общечеловеческой и понятной каждому сердцу.

Так понятна каждая общечеловеческая идея. Так же понятно, что сердце народов все-таки имеет общечеловеческий язык. И общий язык этот все-таки приводит к творческой любви. И мы понимаем, отчего сердце Америки открыто для России, а сердце России считает Америку своим лучшим другом.

В „Снегурочке” летят весенние птицы. Прилетают, несмотря на снег и на холод. И напоминают о близости солнца и света. И, как птицы, оснастились эти костюмы. Понесут они мысль о большой социальной работе, творимой в жизни. И лягут они залогом единения двух великих стран.

В Art Institute была выставлена моя картина „Pagan Russia”. Многие приняли ее за Alaska's Totem Poles. И они были правы – так много общего было и в древних изображениях и в пейзаже картины. Но древние русские идолы отошли в предание. Alaska's Totem Poles переходит из жизни в зал музея. Но обобщающий голос все-таки остается. И за нациями поднимается лик человечества.

И я, названный другом Америки, свидетельствую это.

Chicago, 1921.

ДЕЙСТВИЕ

Однажды великий Акбар провел черту и попросил своего мудреца Бирбала, чтобы тот сократил ее, не урезывая и не касаясь концов ее. Бирбал параллельно провел более длинную линию, и тем самым линия Акбара была умалена. Мудрость заключается в проведении более длинной линии.

Когда видите апофеоз суеты наших дней, иногда чувствуете бессилие сократить этот пустой водоворот, эту бесполезную трату сил и возможностей. Только представляя более длинную черту истинного действия и деятельности, мы можем уменьшить ужас нашего времени – триумф суеты.

Мы должны помнить: молчание двигает. Слово же дает импульс к движению. Молчание – заставляет, слово – увещевает.

Величайшие мировые действия творятся в глубоком молчании, лишь прикрытые докучливым шумом и лживой поверхностью звука. Великие упражнения происходят при задержанном дыхании; чем учащенное дыхание, тем сильнее трата энергии. Кто в действии может задержать дыхание, тот уже властелин мировой энергии — той энергии, которая действует и творит в мироздании.

Есть два вида тишины: беспомощная тишина инертности, которая знаменует распад, и тишина могущества, которая управляет гармонией жизни. Тишина могущества присуща спокойствию владыки. Чем она совершеннее, тем глубже мощь и тем больше сила действия.

В этой тишине нисходит истинная мудрость. Мысли людей представляют смесь правды и лжи. Истинное проникновение замарано лживым пониманием. Истинное воображение извращено лживым представлением. Истинная память загромождена лживыми мыслями. Поверхностная деятельность ума должна остановиться, и молчание заменит беспокойство. И затем в тишине — в той беззвучной глубине — приходит озарение. И истинное знание становится безошибочным источником истинного действия.

Истинное действие, невидимое для глаз суетливых толп, сказывается лишь на последствиях. Лишь по последствиям вы видите земными глазами, насколько значительнее и длиннее черта истинного действия сравнительно с суетой.

И день суеты есть ночь для действия. Ибо ничто творится суетой; может быть, лишь денежные расписки. Но во всей древности лишь Крез был упомянут по своему богатству, но и его конец был незавиден.

Быть способным среди суеты проявить истинное действие; быть способным к молчанию, к тишине, к озаренному безмолвию — это значит быть готовым к бессмертию.

Молчание мощи творит, сохраняет и защищает. Это действие могущественно прямым, непосредственным направлением силы, происходящей из великого, естественного источника.

Даже движущееся колесо в его наибольшем напряжении кажется неподвижным. Гармония высшего действия неразличаема земным глазом. Лишь по следствиям вы поймете приложенную мощь.

Истинная тишина иногда прикрыта внешностью небольшого движения и говора — так же, как океанская волна покрыта наносными бороздами внешних струй. Но эти внешние струи не имеют ничего общего с суетой.

Суета носит на себе неотъемлемый признак — она всегда

сопровождается пошлостью. Всегда можно легко усмотреть в суете все признаки этой ужасной болезни современного человечества. Во имя чего ищут лучшие элементы человечества? Во имя чего вспыхивают революции и подвижнические искания? Человеческий дух во всех этих разнообразных битвах борется против пошлости.

Когда толпа обращается в стадо, что случается? Тогда возникает черное царство пошлости. „Стадо” стремится к вратам пошлости. То же самое сверхъестественное превращение человеческой толпы в стадо видим при суете поезда, при суматохе собраний, при куплях-продажах, при ужасе несчастий. Та же суета часто запечатлевается в музыке, в живописи, в линии рисунка или в ритме ваяния.

Спросите, где же тут психологический момент? Но каждому доступно различить, когда этот пароксизм суеты и пошлости наступает. Один признак суеты неизбежен. Выражение глаз немедленно меняется. Среди шумных выявлений суеты вы не видите счастливого взора.

Суета лихорадочно кричит: „Ступай, ступай!” И каждый, повинуясь этому приказу, куда-то спешит и рассеивается. Но на щите действия начертано: „Приди, приди”. И повинуясь этому зову, каждый приближается и увеличивает возможности. Люди слишком „заняты” в мелком значении слова. Они не ждут духовного единения, и от поспешности всегда что-то может случиться. Лучшая толпа может обратиться в дикое стадо, полное мерзких инстинктов. Есть много причин этому превращению, но самое главное значение, что пошлость восторжествовала.

Царство этой таинственной силы пошлости безгранично. Та же самая пошлость превращает толпу в зверя; она же позлачивает рамы и спинки „торжественных” кресел; она же извращает гимны в „Джаз”; она же преобразует игры атлетики в глупость и жестокость; она же являет совершенство нелепости условной жизни. Даже губы все выкрашены в один неестественный цвет.

Точно исчезает человеческое обличье и животное возникает перед изумленным зрителем. Но тем не менее не отвернитесь от человеческой природы. Надо только изъять ее из суеты, и человеческие признаки опять воскреснут. Как химическая реакция! В таком же научном понимании человечество должно понять разницу между суетой и действием.

„Все формы тирании произошли от мягкости”, — говорит пословица. „Все виды пошлости произошли от компромиссов — уступок”. Сегодня малая уступка, завтра малейшая уступка, а затем сразу большой жрец пошлости.

Это — не общее место, не трюизм. Мы должны твердить это теперь, ибо в ближайшем будущем потребуется много истинного действия и много верного понимания. И в каждом своем движении человечество должно различать, где пошлая суета и где вечное действие.

Мы должны быть практичны всегда. Осуждение прогонит ли тьму? Нет, лишь принесение света истребит черноту мысли. Одно осуждение, критика, отталкивающий процесс никогда не помогали.

Одна только возможность имеется: сократить черту суеты новой, длиннейшей чертой истинного действия. Имейте в виду лишь следствия.

Никогда не победите вы пошлость грубостью или безобразием. Лишь в Красоте заключена победа. Истинно, лишь Красота побеждает пошлость и останавливает дикуую суету перед вратами поддельно-золоченого царства. И, братья, победа близка! Ибо многое, что мы уже зовем „павшим“, просто еще не „дошло“.

New York, 1922.

НОВАЯ ЭРА

Великие перемены произошли за последнее десятилетие. Много башен предрассудков и невежества рухнуло. Только слепые и глухие не чувят стука новых сил, вступающих в жизнь. И приход этих вестников так прост, как бывает просто все великое.

Три великих дара посланы человечеству. Познание единого духа вносит в бытие единство любви и религии. Познание чуда искусства открывает врата в царство Красоты. Познание космической энергии приносит идею о единой, всем доступной мощи. И во имя озаренной новой эры мы должны молитвенно и действенно принять эти три благословенных дара.

Инквизиторы, во имя Христа, не верили утверждению Галилея о вращении земного шара. Галилей со скорбью писал, что „профессора“ в Падуе отказались принять что-либо касающееся планет, луны и даже самого телескопа и что они ищут истину не в мире и не в природе, но лишь сравнивая тексты и стараясь освободить небо от планет по правилам логики и риторики. Соломон де Ко был посажен в сумасшедший дом за его уверенность в силе пара. Над Фультоном глумился даже его собственный брат.

Сам Гегель, основываясь на философских сравнениях, пы-

тался доказать невозможность существования планет между Юпитером и Марсом. Но именно в тот же год Пиацци открыл первую из этих малых планет.

Конт отрицал возможность исследования химической природы светил. Но спустя пять лет спектральным анализом уже была установлена классификация небесных тел по их химическому содержанию.

Араго, Тьер, Прюдон не могли предвидеть будущность железных дорог. Томас Юнг и Френель были публично осмеяны Лордом Брумом за открытие световых волн.

Академия наук в Петербурге не хотела иметь в составе своем Менделеева.

В 1878 году Буиллио, член института, присутствуя при демонстрации Демонселем фонографа Эдиссона перед Французской академией, объявил, что это фокус, а через полгода предупреждал академию не верить „американскому шарлатану”. Не так задолго до этого и существование самой Америки отрицалось.

Так было. Так бывает. Но так не будет на новых путях. „Судите лишь по делам”, „Судите лишь по следствиям”. Будем помнить эти простые слова теперь, во время действия, когда всякому пустословию нет места. В дни борьбы и исканий человечество устает от пустых рассуждений о всех условных формах современной жизни. Без творчества в жизни все суждения и придумывания бесполезны. Вы можете толковать о путях сообщения, об обмене, о промышленности, о денежных системах и о бесчисленных попутных предметах. Но куда же вы попадаете по всем этим „путям сообщения”? В итоге они приводят вас к новым средствам убийства и разрушения. Покуда не будет истинного понимания мира, все эти „пути сообщения” обречены на гибель. И все следствия трудов человеческих будут стираться с лица земли. Но понять истинное значение мира невозможно, пока человечество не постигнет различие между „механической цивилизацией” и грядущей культурой духа.

Даже приблизительное понимание основ истинной культуры совершенно преобразит жизнь и создаст необычайные условия для всех блестящих открытий, сужденных человечеству. Много будет достигнуто, если исследователи, смелые и радостные, будут знать, как подойти к истинной природе вещей, без предрассудков, так свойственных и нашему „цивилизованному” состоянию. Жизнь полна предрассудков, приличных разве темному средневековью. Тем не менее именно сейчас лучшее время для прихода истинного знания и красоты.

Вы можете предполагать, что выявление индивидуальности разных народов требует и различных форм. Но одно условие неизбежно навсегда: условия жизни не только должны быть цивилизованны, но и должны носить признаки культуры. И когда вы рассуждаете о будущем, всегда имейте в виду, что все новые условия должны быть именно культурны.

Но как перенести в жизнь это понимание культуры? Конечно, не на словах и заоблачных проектах. Только упорным, сознательным трудом — практичным и озаренным — вы достигнете жизненное следствие. Грядущая жатва всех забытых сил и возможностей расцветет лишь на почве сознательного стремления и неумолчной работы. Расцветет именно здесь, на земле, ибо сущность земного плана очень важна.

Творчеством и знанием эта реальность культуры займет главное место жизни. Великая Красота и Мудрость укрепят строительство этой новой „завоеванной” жизни. Именно теперь надо собрать все свои силы, физические и духовные, для сосредоточенной работы. И каждый работник не должен думать, что он незначителен, но именно каждому открыт путь высшего достижения.

Не Вавилонскую башню строит человечество. Оно хочет вместить, украсить и укрепить прекрасную жизнь, сужденную ему. И мысли, чистые, как голуби, уже летают по всему миру.

С особым вниманием и радостью мы следим за молодежью. Их сердца бьются особо и ново. Ведь они будут строить новый мир, и когда их можно хвалить, наши сердца наполняются надеждой. И мы слышим похвалы молодежи, ибо она трудится и укрепляет свой дух.

Открыв глаза красотой, вызывая молодые силы к широкому кругозору, народы решают свою судьбу. Среди настоящей трудной борьбы народы начинают разуметь, почему практично и выгодно выдвигать и охранять сокровища культуры. Они начинают понимать, что новое утверждение жизни будет воздвигнуто лишь по этим иероглифам мудрости, ибо прошлое — лишь окно к будущему. Через это окно придет светлая радость возможности принести друзьям новые, мирные находки Красоты.

Многие спрашивали меня в течение этого года, что за причина основания в Нью-Йорке Института соединенных искусств и Международного художественного центра “Corona Mundi”. Конечно, лицам посвященным основание этих учреждений не случайно. Оба учреждения отвечают нуждам времени. Меня просили дать девизы этих начинаний, и я избрал две цитаты из моих лекций. И твержу, что в дни международных недо-

разумений и острой борьбы оба учреждения жизненно практичны.

Смысл цитаты для Института соединенных искусств, что красота должна сойти с подмостков сцены и проникнуть во всю жизнь и должна зажечь молодые сердца священным огнем.

Для Международного художественного центра было указано, что реальная победительница в жизни – Красота. И единственная прочная ценность заключена в произведениях искусства, тогда как денежные знаки превращаются в хлам. Любовь, Красота и Действие!

Сидящие в сереньких норках думают, что эти утверждения слишком идеальны, и сомневаются в практическом применении их среди нашей усложненной жизни. Но эти сомнения происходят от невежества, от забитости стеснением мелкой городской жизни. Но наш путь не с ними, ибо мы уже видели, как легко рушатся домики их серой посредственности. За нами жизнь вне предела наций, за нами опыт и дела.

Возьмите простые, здоровые души не из закоулков города, а из природы, из необъятного мира, где растут истинные возможности. От этих людей вы услышите иной ответ. Даже простые русские поселяне поняли растущую ценность предметов искусства, предпочитая их денежным знакам. Они же оценили значение песни и музыки.

И правда, если змеи могут быть очарованы музыкой, то как велико значение ее для души человеческой.

Без всякого преувеличения можно утверждать, что ни одно правительство не станет прочно, если оно не выразит действенное почитание всеобъемлющей красоте и высокому знанию.

И если пути сообщения понесут для обмена не пушки и яды, но красоту и светлое знание, то можно представить, как рука не поднимется уничтожить эти дары света. Есть одно положение, когда Красота всегда побеждает, когда даже злые скептики и невежды умолкают и начинают сознавать, что перед ними стоит мощный двигатель.

Все возможности нижних путей уже были использованы. Мы имеем великолепные яды. Имеем разрушительные взрывы. Имеем губительные тепловые лучи. И ножи так заострены, что могут проникнуть в любое сердце. Какой торжественный апофеоз разрушения! Должно было пройти около двух тысяч лет „Эры любви и самопожертвования“, чтобы достичь такого совершенства вражды. Чтобы узреть блестящие спектакли иппокритства и пошлости! И так полюбили заниматься „международным правом“. Жаль этих профессоров междуна-

родного права. Их положение непрочное. Обсуждать мир за столом, под которым лежит лучший динамит, не очень приятно. И невозможно помочь им, пока они не обратятся к правильным поискам мира.

Если кому-то захочется поспорить с нами о жизненном значении красоты, мы с радостью приоткроем наши доводы.

На нашей стороне будут факты истории и все утверждения будут основаны лишь на действительных следствиях. Когда некоторые „старики духа“ обвиняли меня в чрезмерном идеализме, я мог сказать: „Простите, именно я реалист, ибо основываюсь на знании и на фактах, основываюсь на синтезе знания и красоты, а вы — беспочвенные идеалисты, ибо верите клочкам бумаги. За нами жизнь. За нами переоценка ценностей. За нами гимн труду, творящему и руками, и мозгом, и духом. А за вами пыль“.

Говоря о творчестве, об искусстве, я не имею в виду лишь великих выразителей; не только о Вагнерах, о Шаляпиных, о Рембрандтах идет речь. Каждый искренний вклад подлинного устремления духа вносит убедительность и струю свежего воздуха.

Недавно в Институте соединенных искусств давал свой первый концерт маленький Магалов. И можно было видеть, как самые различные сердца объединились в глубоком внимании. Даже неприятели временно забыли свою вражду. И если принцип этого воздействия очевиден, то размеры его могут быть расширены в бесконечность. Сколько трудных социальных и национальных проблем может быть разрешено на мгновение, ибо в действительности они и не существуют. И за возрождением Красоты вы можете различить Великий Лик Единой Религии, в простейшем виде явленной под крыльями Красоты.

Всегда верю, что наиболее идеальное является наиболее практичным. И каждая организация, в которой приходилось принимать участие, являлась лишь лишним примером. Если кто-то будет указывать, что начинание слишком идеалистично и потому стоит вне жизни, скажите ему: „Ошибся, милый, это начинание нежизненно, потому что оно недостаточно высоко“. Как в математике, когда вы имеете дело со странными фигурами, кажущимися далекими от жизни, но в применении их в действии они равняются магнетическим силам, отвечая жизни во всех ее атомах. И по этому пути вы восходите опять к простому утверждению: с высоких гор больше увидите. И при ясном зоре вы часто заметите, что кажущееся разрушение — лишь часть созидания.

Среди детей у меня много друзей, и я горжусь, когда ви-

жу на моих выставках этих маленьких посетителей. Правда, кто же может простейшим путем воспринять действенную силу искусства? Конечно, дети, женщины и люди из природы. При составлении новой международной армии новой эры не должны быть забыты именно дети и люди труда и природы, и особенно женщины. Новая эра должна иметь и новых воителей. И лучший знак этой армии – паспорт почетный и вечный – будет знак истинной культуры. Перед этим знаком откроются все пути сообщения. И как прост и прекрасен будет этот жизненный знак.

Как сказано, величайшими врагами Красоты являются прошлость, иппокритство, эгоизм и поверх всего невежество. И невежество не как отличие безграмотности, а как спутник прогнивших тупиков мысли. Конечно, невежество хотя и опасно, но в известной стадии может быть излечиваемо. И лучший совет для начала лечения – обратиться к первоисточникам. Стремление без предрассудков, основанное на изучении действительной жизни, откроет глаза заболелавшим. И, отдавая всего себя, можно получить истинно новый облик. Одна женщина, которая читает лекции и искренно стремится объяснить великое значение искусства, спрашивала, как назвать ее профессию?

Я предложил для нее ближайшее определение: „чистильщица окон”. Это не была просто шутка. Можно смело утверждать, что каждое человеческое существо имеет открытый доступ в царство Красоты, если только пыль жизни и оконная грязь не затемняют это проникновение.

Вспоминаю также другой разговор с человеком официально церковного положения, который пришел говорить по этому же предмету. Во время трехчасовой беседы он отрицал все, что я сказал ему, а я покрыл все сказанное им. В конце я сказал: „Теперь оглянемся. В течение трех часов вы отрицали все услышанное от меня, а я нашел место всему сказанному вами. Будьте честны и скажите, чье положение лучше?” И можно было видеть, как он был озадачен, понимая, что он выявился лишь духом отрицательным. И сколько их, этих отрицающих, ходит по всем путям жизни, лишь мешая, лишь отрицая, лишь суетливо перебегая путь. Но если удастся им раскрыть глаза, то они будут поражены своим невежеством. Даже они увидят, как легко в нашей жизни каждого дня новый порядок, новое понимание может быть установлено жизненно и действенно.

Запомните твердо: „Не сны, но действия. Не мечты, но следствия”. И откуда же придет эта всеобъемлющая энергия усвоить и вместить истинные, жизненные идеи? Друзья мои,

вы найдете свои возможности в неисчерпаемой энергии воздуха, в блеске солнца. Из света рождается жизненная улыбка бесстрашия.

Monhegan, 1922.

ПРАВО ВХОДА

Крылья, крылья! Вы растете болезненно. С 1944 года человечество пришло в космическое беспокойство. Пока одна часть людей занялась плохо объяснимой стрельбой, другая инстинктивно задвигалась. С числом убитых возрастало число путников по всем путям передвижения. Явное уменьшение людей вызывало чрезвычайное переполнение городов и гостиниц. Все поднялось. Все поехало. И как сонный человек в кошмаре, правительства замахали руками, пытаясь преградить путь блуждания народов затруднениями виз и разрешений. Но поток сквозь пальцы устремился.

Уже девять лет бродит человечество. Толкается из угла в угол. Произнесло весь словарь добра и поношения. И сам земной шар сделался малым. Но среди судорог, среди опасных взлетов за поисками чудесного края начинают расти крылья. И мысли начинают клубиться выше, и сквозь дым мечтаний начинают светить возможности действительных достижений.

С болью, но крылья растут.

Милые люди, опять я увидел, как вы путешествуете. Опять я увидел в руках ваших книжку Бедекера с перечнем волшебных находений красоты. Голгофы страданий искусства и знания досыта накормили железные дороги, гостиницы, компании Кука и все, что цепко следит за блужданием толп. Вы отлично пользуетесь всей аптекой творчества. Даже ваши закруженные в водовороте глаза через лорнет и монокль ищут лечения искусством.

Великими трудами кто-то строил пантеон красоты: кто-то трудился, раскладывая находения по пробиркам критических лабораторий. И вот является ваш автомобиль, и опытный повар подносит вам изысканную трапезу красоты.

Но может ли желудок ваш переварить эту пищу? Да и имеете ли вы право входа в трапезную? Дали вы когда-нибудь что-нибудь оправдавшее ваше приближение к искусству и знанию? Вообще умеете ли вы дать? И говорили ли вам, что лишь давшие получают? Если же вы не имеете права на вход в храм, если вы не заработали сами своим трудом, если вы желаете лишь получать, то не вам ли принадлежит кличка

паразитов? Ибо вы ползаете по храму, не внося в него ничего. Вы бороздите собой лик земли; бесцеремонно толпитесь на ступенях чужих завоеваний и легкомысленно полагаете, что все труды и творения для вас. Будьте сегодня честны и сознайтесь, что вы не только ничего не сделали для роста искусства и знания, но вообще даже не знаете, как это и сделать. И как ничтожны ваши оправдания. Вы иногда слушали музыку; ваш глаз скользил по картинам; вы похлопывали рукой скульптуру и, зевая, вы отдавали час времени для прослушивания именитого лектора.

Но затем, когда автомобиль переносил ваше драгоценное тело до дома, во что претворялись впечатления ваши? В скуку, в зевок, в обед, в злословие.

Потому, когда человек имущий и с возможностями будет вам говорить об искусстве и знании, всегда спрашивайте его: „Что же вы-то сделали для красоты, чтобы иметь право говорить о ней?” И еще скажите ему: „Вот с этого дня, встречаясь с красотой, будете всегда вспоминать, что вы паразит, — доколе не попытаетесь принести свой камень вечному храму; доколе не заработаете право входа”. Так и скажите.

И видим непринесших. Видим людей с потухшими взглядами, когда, сгорбившись, они сидят у целебных вод, ожидая очередь влить глоток механической жизни. Слышим их разговоры — сожаления о прошлом дне. И весь мир закрылся для них. И нет сознания, что все оупение сменилось бы быстро, если бы хоть одна из вечных целей прекрасного открылась им. И они поняли бы, что вне возраста, вне телесных болезней, вне всех предрассудков они могли бы немедленно подойти к вечной радости духа. Ибо не страдание, а радость заповедана.

Иначе жаль всех людей, бесцельно стремящихся ублажить вас — бесцельных. Жаль ваших портних и прачек. Жаль ваших шоферов, ибо даже не знаете, какой адрес дать им. И тут же рядом лежит весь прекрасный мир — мир радости, созданий и достижений.

За ласку, за улыбку о красоте затвор первых врат уже повернется. А за желание отдать упадет и второй замок. Попробуйте отдать или хотя бы предложить что-то, но без себялюбия и сомнения. Возмездие сторицей уже ожидает вас. И не в каких-то будущих жизнях, а именно теперь, здесь, если только уловите ритм жизни. Ибо в ритме — гармония.

Путники, сумейте отдать, чтобы получить; чтобы получить право на вход в храм.

„Через красоту подойдете. Поймите и запомните. Вам поручил сказать — Красота.

Ты, имеющий ухо. Ты, имеющий глаз открытый. Ты, по-

знавший меня. И да будут глубины небес тебе благодатны. Благо тебе. Устреми взор, подобно соколу, в даль.

Через красоту подойдете. Поймите и запомните”.

Виши, 1923.

СТРУНЫ ЗЕМЛИ

(Мысли в Сиккиме)

I

Два мира выражено в Гималаях. Один мир земли, полный здешних очарований. Глубокие овраги, затейливые холмы столпились до черты облаков. Курятся дымы селений и монастырей. По возвышениям пестрят знамена, субурганы или ступы. Входы тропинок переплели крутые подъемы. Орлы спорят в полете с многоцветными змеями, пускаемыми из селений. В зарослях бамбука и папоротника спина тигра или леопарда может гореть богатым дополнительным тоном. На ветках прячутся малорослые медведи, и шествие бородатых обезьян часто сопровождает одинокого пилигрима. Разнообразный земной мир. Суровая лиственница рядом стоит с цветущим рододендромом. Все столпилось. И все это земное богатство уходит в синюю мглу гористой дали. Гряда облаков покрывает нахмуренную мглу. Странно, поражающе неожиданно после этой законченной картины увидеть новое, надоблачное строение. Поверх сумрака, поверх волн облачных сияют яркие снега. Бесконечно богато возносятся вершины ослепляющие, труднодоступные. Два отдельных мира, разделенные мглой.

* * *

Помимо Эвереста пятнадцать вершин гималайской цепи превосходят Монблан. Если от Великой Рангит (река) осмотреть все доступы до снеговой черты и все белые купола вершин, то нигде не запоминается такая открытая стена высот. В этом грандиозном размахе — особое зовущее впечатление и величие Гималаев. „Обитель снегов!”

* * *

В сторону восхода вершины сливаются в стену сплошную. Зубчатый бесконечный хребет священного ящера. Трудно до-

гадаться, что именно там притаились снежные перевалы Джеллап-Ла на Шигадзе и Лхассу. Туман особенно часто закрывает этот путь.

* * *

Навершие буддийских знамен составлено из крестовидного копия, диска, полумесяца и лепестков лотоса. Не все ли эмблемы религий срослись на одном древке? В этих напоминаниях о символах элементов мира каждый найдет изображение, ему близкое.

* * *

На иконах и священных украшениях Тибета часто горит драгоценными камнями изображение рыбы – священный знак – так же, как на стенах римских катакомб. Сошлись в одном понимании „колесо жизни” Будды, круг „начал – тайну образующих” – христианской церкви и колеса Иезекиила. Многоокие Серафимы и бесчисленные глаза светлого духа Дуккар проникают в те же тайники души.

* * *

В культах Зороастра изображается чаша с пламенем. Та же пламенеющая чаша отчеканена на древнееврейских серебряных шеклях времени Соломона и древнее. В индусских раскопках эпохи Чандрагупта Маурии видим то же самое мощно стилизованное изображение. Св. Сергей Радонежский, трудясь над просвещением России, приобщался от пламенеющей чаши. На тибетских изображениях Боддисатвы держат чашу, процветшую языками огня. Помним чашу жизни друидов. Горела чаша Св. Грааля. Не воображением, но именно делами сплетаются великие учения всех веков. Язык чистого огня.

* * *

Христос учил: „Вера без дел мертва”. Будда указал три пути: долгий – путь знания, короче – путь веры, самый краткий – путь действия. Давид и Соломон славословят устремления труда. Веданта твердит о проявлении дел. Поистине в основании всех заветов положено действие. Творящий огонь Духа.

* * *

Разве чужды символы индуcской Тримурти – Троицы? Разве буддийское древо желаний, увешанное предметами всех желаний, не отвечает нашему понятию рождественской елки? А все детали устройства алтарей храмов? А схимники и пещерники, затворившиеся в каменных гробах? А лампы и огни заклинаний? А венки и свечи добрых молений, посылаемые по течению Ганга? А троицына березка? А мускус и ладан? А кованные, усыпанные каменьями ризы икон? И камни, брошенные в Будду его близким родственником, разве не сродни камням Св. Стефана? Право, не случайно запечатлена буддийская легенда на фресках пизанского Campo Santo. И глубокое значение имеет мусульманское предание, что мать Христа явилась матери Магомета перед рождением Пророка.

* * *

В Джидде – в этом преддверии Мекки – мусульмане особенно почитаемо берегут так называемую могилу Евы. Тот же Старого и Нового Завета Архангел Гавриил на горе Хира указал Магомету начать проповедь. Тот же самый.

* * *

Могульские царицы носили почетный титул Мириам. Мириам, Мария, Мать Мира. Уже давно древнейшие забытые храмы славословят ожидание новых эпох.

* * *

В древнем городе Киш недавно найден храм Матери Мира.

* * *

Сарнат и Гайя – места личных подвигов Будды – лежат в развалинах. Являются лишь местом паломничества. Так же, как Иерусалим остается лишь паломничеством ко Христу. „Ибо сам Иисус свидетельствовал, что пророк не имеет чести в своем отечестве”.

* * *

По преданию Будда принял посвящение в присутствии богов. Место посвящения названо „святейшая ступа”, но нигде не указано. Известны места подвигов Будды на Ганге. Известны места рождения и смерти Учителя – в Непале. По не-

которым указаниям посвящение совершилось еще севернее — за Гималаями, ибо на подвиг Будда пришел с севера.

Но где же и Христос был до тридцатилетия? Кто знает эти благие прибежища? Где эти Кория Мориа? Можно ли их поведать?

* * *

Легендарная гора Меру по Махабхарате и такая же легендарная высота Шамбала в Буддийских учениях — обе лежали на севере и служили высотами посвящений. И всюду подробно нельзя говорить о таких местах священного света.

* * *

Мудры сверхчеловеческие сношения. Сверху виднее. Вместо мелких ссор отрицания история напоминает нам о поистине международных связях. Указывается исторический факт, как монгольский Богдо-Хан был спасен от болезни явлением Св. Николая. Монгольские хутухты, чьи знание и духовность считаются очень высокими, указывают это. Все полно знаками. Лишь не просмотрите. Смотрите зорко и радостно. И подвижно.

* * *

На кисти руки тибетской женщины заметили странный синий знак. Присмотрелись. Оказалось, нататуирован синий равноконечный крест. Спросили, откуда такой знак? Получили разъяснение, что знак нанесен тибетским врачом во время „очень опасного кашля“, по-видимому, воспаления легких. Под таким знаком обычно тибетские врачи впрыскивают лекарства. Этот знак был сделан личным врачом Далай-Ламы во время трехлетнего пребывания в Дарджилинге.

* * *

По пророчеству Ламы Тзаринпоче и нынешняя попытка овладеть Эверестом окончится лишь потерями. Посмотрим, прав ли старый Лама? (Лама оказался прав. — Примеч. изд.).

* * *

Лама изумился желанию чужеземцев непременно подняться на вершину Эвереста. „Зачем принимать столько трудов в земном теле? Не проще ли побывать там в духе?“ Ламы легко выделяют астральное тело, которому, конечно, любая высота не является препятствием.

* * *

Из этого окна (художник живет в доме, где пребывал Далай-Лама. — Примеч. изд.) посылал верховный священник моления обеспокоенному китайцами Тибету. Три года перед стеной Гималаев. Бодрствовал. Спать Далай-Лама не ложился. На отдых остается сидя, в молитвенном движении. Для освобожденного духа нет ни стены, ни войны.

* * *

Во времена старых иезуитских миссий в Лхассе была христианская часовня. Около трехсот лет тому назад. Великие Ламы посещали ее.

* * *

Седобородый человек на берегу Ганга, сложив чашу рук, приносил все свое достояние восходящему солнцу. Женщина, быстро отсчитывая ритм, совершала на берегу утреннюю пранаяму. Вечером, может быть, она же послала по течению священной реки вереницу светочей, молясь за благо своих детей. И долго бродили по темной водной поверхности намоленные светляки женской души. Глядя на эти приношения духа, можно было даже забыть толстых браминов Золотого храма. Вспоминалось иное. Вспоминалась молитвенная фигура Св. Сергия на картине, только что отплывшей из Парижа в Америку.

* * *

Гигантские ступы буддизма — погребальные памятники, обнесенные оградой, — те же курганы всех веков и народов. Курганы Упсалы в Швеции, русские курганы Волхова на пути к Новгороду, степные курганы скифов, обнесенные камнями, говорят легенду тех же торжественных сожжений, которые описал искусный арабский гость Ибн-Фадлан. Всюду те же очищающие сожжения.

* * *

Много благовоний, розовой воды и пахучего сандалового дерева. Потому не тяжел дым сожжений тел в Бенаресе. И в Тибете сожжение тоже принято. Значит, писатели опять напутали, когда описывали исключительно „дикие” погребальные обычаи Тибета. Откуда это желание показать все чужое более диким? Черня других, сам белее не станешь.

* * *

Обратите внимание на нежные детские игры Востока. Послушайте сложный ритм пения и тихой музыки.

* * *

Лама жалуется на приезжих охотников. Пришли и убили много оленей. И теперь, когда Лама идет в лес, к нему приходят очень мало оленей. А он любит, чтобы к нему приходили животные. Не „дикостью“, но культурностью звучит эта жалоба. Напоминает старца Аврамия, который недавно пастушествовал за Уралом и когда молился на Восток, то и все овцы в молчании обращались к тому же восходу. Пастырь!

* * *

В Буддийских монастырях был обычай запира́ть в библиотеку проигравшего в ученом споре. Поучись еще! Отличный обычай!

* * *

Китайский амбан (губернатор), человек злой и распутный, добивался навестить почитаемого святого игумена местного монастыря в Тибете. Но когда вошел в приемную комнату, где был игумен, то на троне вместо святого увидел обличье уродливой свиньи. И бежал в ужасе. Распутный человек, ворвавшись силой, нашел облик, которого был достоин. Прекрасное напоминание всем насильникам. „В юже меру мерите – возмерится и вам“.

* * *

Среднеазиатское предание говорит о таинственном священном подземном народе Агартти. Приближаясь к входам в его благое царство, все живые существа умолкают и благоговейно прерывают путь. Вспомним русское предание о таинственной Чуди, ушедшей под землю от преследования злых сил. Священная легенда о подземном граде Китеже ведет в тот же тайник.

* * *

Вся земля толкует о подземных городах, хранилищах, храмах, ушедших под воду. И русский и нормандский крестьянин знает это одинаково твердо. Так же, как житель пустынь знает о сокровищах, иногда сверкающих из-под волн песков

пустынь и снова — до времени — уходящих под землю. К одному костру сходятся помнящие о положенных сроках. Не о суеверии, но о знании говорим. О знании, выраженном в прекрасных символах. Зачем сочинять, когда истинного так много.

* * *

О подземных жилищах в области Лхассы и Коко-Нора говорят многие источники. Лама из Монголии вспоминает предание: когда строили основание монастыря Гендена, во времена Учителя Дзон-Ка-Па (XIV век), то заметили, что через щели скалы поднимаются струи курений. Пробили ход и нашли пещеру, где недвижимо сидел старец. Дзон-Ка-Па вывел его из экстаза. Тот попросил чашку молока. Спросил, какая теперь религия на земле. И затем исчез. Также указывается, что Потала, дворец Далай-Ламы, имеет скрытые помещения большой древности. Конечно, проверить это случайным путешественникам не удалось. По выражению лиц высоких Лам ничего не поймете. Иным путем надо искать.

* * *

Если так многое лежит под землей, то как же многое лежит под молчанием. Наивно утверждать по первому осторожному ответу. Опытный астролог уверяет, что он ничего не знает, как только то, что слышал. Знающий пути ко многим древностям только что утверждал, что он и не слышал о них. Да и как же иначе? Не предать бы. Самое горшее — предательство. И так много предателей. Видим и настоящую преданность, а за нею и глубокую сохранность.

* * *

Соломон явил такую преданность делу строения храма, что, даже испустив дух, остался стоять на молитве, пока муравей не подточил его посох. Лишь бы не прервать, не повредить работе строения. Пример стойкости и преданности.

* * *

Осталось непонятым стремление Соломона к Единому храму, приютившему все прочие проявления молений. Покинутый Фатехпур-Сикри — около Агры — полон знаками единой веры, которую указал Акбар Великий, проповедуя единого бога. Среди дворцового двора стоит храм объединенной религии. Легкомысленные писатели изумляются, отчего на стенах

этого загадочного дома еще видны остатки столь разнородных изображений. Следы буддизма перемешаны с индусскими и христианскими фрагментами. Единый светоч уже был проявляем в жизни. „Премудр сердцем и могущ силой; кто восставал против него и оставался в покое? Он один распространяет небеса и ходит по высотам моря. Сотворил Ас, Кесиль и Хима (Медведицу, Орион и Плеяды) и тайники юга. Делает великое, неисследимое и чудное без числа“, – восклицает Иов об едином. Не к тому ли ведут пророчества таинственных знаков Ватана и Сензара, получаемых великими Ламами? Спросили Ламу: „Правда ли, праздник духа приблизился?“ Он посмотрел и сказал: „Таковы предсказания“.

* * *

С 1924 года по тибетскому летоисчислению начался новый век. Век считается не в сто лет, а в шестьдесят.

* * *

Слушаете чтение Бхагават Гиты – песни господней. Слушаете возгласы буддийских служителей. Слушаете пение Христово клира. И разве не встает перед вами единый лик, единая воля к счастью и радости?

* * *

Не следует ли задуматься, отчего всюду – во всех заветах – выявлено одно действенное начало? Отчего проявление феноменов всегда сопровождается одним и тем же, необъяснимым словами, но всегда ярким актом духа? Писания говорят: „Возмутился духом“. И без этого чудесного „возмущения духа“, без этого невидимого акта никакие формулы не действительны.

* * *

Самые формулы часто поражают своей общечеловечностью. В них соединяются возгласы мистерий с молитвами самых неожиданных культов, разделенных целыми эпохами, целыми материками. Язык Матери Мира одинаков для всех колыбелей.

* * *

„Алелуя, Алелуя, Алелуя“ или „Алелу, Алелу, Алелу“ – заклинание древних служений против демонов. От халдеев, вавилонян, через израильтян дошло оно до христианства. Оно же известно у некоторых племен Индии

* * *

Простой человек – проводник – вдруг оборачивается на пути и спрашивает: „Ведь должны люди, наконец, признать, что Бог един и служение ему едино? Ведь скоро придет Он, кто соединит?“ Так мыслит и допрашивает простой и бедный человек среди синеющих холмов Сиккима. Из-за ожиданий проводника слышится мощное признание Вивекананды: „Если бы я встретил на моем пути Христа, я бы омыл кровью сердца моего Его ноги“. Откровенно утверждал мужественный Вивекананда; пытался идти близким путем языка сердца. Без отрицаний, лишь во всемогущем обобщении и благом понимании. Хочется, чтобы наши священнослужители так же мыслили о Будде, как просвещенные Ламы говорят о Христе. Только в таком благодном понимании залог будущего строительства.

* * *

Главное – поменьше невежественных отрицаний.

* * *

Вивекананда спросил так называемых христиан: „Если вы так любите учение Христа, почему вы ни в чем ему не следуете?“ Так говорил ученик Рамакришны, прошедшего сущность всех религий и научившегося на жизни „не отрицать“.

* * *

„Буддизм – самая научная религия“, – говорит индусский биолог Боше. Радостно видеть, как этот истинный ученый, нашедший путь к тайнам жизни растений, говорит о Веданте, Махабхарате, о поэзии легенд Гималаев. Только настоящее знание может найти всему сущему достойное место. И под голос ученого, простой и понятный, серебристые звоны электрических аппаратов отбивают пульс жизни растений, открывая давно запечатанную страницу познания мира.

* * *

Мать Боше в свое время продала все свои драгоценности, чтобы дать сыну образование. Ученый, показывая свое „царство“, говорит: „Вот здесь в роскошных условиях находятся дети богачей. Посмотрите, как стали они пухлы и дряблы. Им нужна хорошая буря, чтобы опять вернуть их к жизненным условиям“. Зная пульс растительного мира, ученый здраво подходит ко всем проявлениям жизни. Очень ценит отзыв Ти-

миряева о его трудах. Одну из лучших книг своих Боше написал на высотах Пенджаба в Майавати — в монастыре Вивекананды.

* * *

Рано ушел Вивекананда. Боше и Тагор два лучших лица Индии.

* * *

Со стороны Бутана чаще всего наползают мохнатые сизые клубы тумана. Не только снеговой хребет, но и все предгорные ступени проваливаются в густую мглу. Трудно поверить скрытому сверканию. Не начать ли отрицать самое существование Гималаев? Раз их не видно — значит, их нет. Раз нам сейчас что-то не видимо — значит, оно и не существует. Так полагают убожество.

* * *

Горные пути сложны. Столько поворотов. Столько осыпей под копытами. Столько пересекающих потоков и ручьев, с мертвящей сыростью из-под зелено-синей листвы. Поистине много змей под цветами. И язык шорохов в листве не понятен.

* * *

Рано зажигаются звезды. К востоку неугасно горит тройное светило Ориона. По всем учениям проходит это поражающее созвездие. В архивах старых обсерваторий, надо думать, можно найти многое о нем замечательное. Культ, окружающий некоторые созвездия, вроде Медведицы и Ориона, поражает своей распространенностью. Шаманская мудрость поклоняется им. Не случайно Иов перечисляет именно их как акт высшего достижения. Блестки разбросаны всюду. В последнем выпуске журнала Лондонского азиатского общества многозначительна неожиданная заметка. „Император Бабер в начале своих мемуаров говорит: „В окрестностях Баракоха находится мечеть, называемая Джавца Маджид. Истинное значение этого названия есть „Дом Ориона“. Джавца есть имя Ориона“. С каким же древним культом слилась мечеть, указанная Бабером, теперь, вероятно, смытая песками великих пустынь. Неустанно притягивает Орион глаз человеческий. Опять говорят астрономические бюллетени о непонятных розовых лучах, вспыхнувших в этом созвездии. Созвездие Ори-

она включает знаки „Три мага”. В древних учениях значение Ориона приравнивалось значению Атласа, державшего ношу мира. Звезда Востока!

* * *

Только на Востоке ощущаете смысл астрологии в ее научном понимании. Обсерватории в Джайпуре и в Дели пороят своей фантастической убедительностью.

* * *

Воздух чист. Маленькие лепши – сиккимские кули – несут на спине огромные камни в гору. К неведомому строению. Головы их так низко нагнулись, что не рассмотрите лица из-за платка и металлических колец и цепочек. Донесут ли? Можно ли перегружать четырехфутовое тело непомерной тягостью камня? Но вместо скрежета раздается смех из-под согнутой спины. Много смеха слышится в Сиккиме. Чем дальше к Тибету, тем говорливее. И поют чаще. И провожают шуткой. Воздух тут лучше.

* * *

Сардар называется начальник каравана. Плотно сидит в лиловом кафтане на белой горной лошадке. Много белых коней.

* * *

Далеки еще пещеры Канчанджанги, где хранились сокровища.

* * *

В одной из пещер находится статуя Падмасамбгава (Учитель Тибета), а за ней имеется каменная дверь, никем никогда не открытая.

* * *

А они говорят: „Ничего сокрытого не осталось!”

* * *

Дух человеческий часто – как хвост собачий. Уж если свернулся калачиком – как его ни выпрямляй, а он скрутиться норовит.

* * *

Но ведомо также, как всецело преображается дух лишь одним прикосновением.

* * *

Отчего вы не пишете подробно о том, что знаете? Все будто жемчуг сыпете или веши расставляете. По вехам сами весь путь пройдете. Сами — ногами человеческими. Жемчуг сами подберете себе по росту. Руками переберете жемчужины. Своими руками разовьете динамику. „Отдадите”, излучите из своих пальцев. Иначе материя и дух опять не согласятся „в песне труда немолчного”. Таким путем отделится пустое любопытство от истинного стремления. Один „современный мудрец” предлагал основать институт, где бы каждый пришедший с улицы мог немедленно удостоверяться в феноменах. „Мудрец” забыл предложить этим уличным проходящим хоть руки вымыть для опыта. Душ очищения духа тоже был бы далеко не излишен. Есть пути, которые должны быть пройдены с чистыми руками и своей волей.

* * *

И если через оболочку вещей каждого дня вам удастся рассмотреть вершины космоса, какой новый, чудесный, неисчерпаемый аспект примет мир для освобожденного глаза. Древняя медицина утверждает, что смех очень полезен для очистки щитовидных желез. Как же должна быть полезна улыбка для мозга? И дрожащее заклятие страха превратится в смелый клич радости.

II

Разноцветная толпа фигур ада попирается мощными ногами Белых духов. Красные и зеленые „хранители входов” многоруко, в страшном оскале зубов, грозят нарушителям. Взрывно кудрявятся золотые языки стихийного пламени. Мерцают тускло-цветные ауры сияний...

* * *

Почтительно и холодно вато или писарски научно рассматриваем тибетские и непальские знамена — картины в Британском музее, или в музее Гимэ в Париже, или в Fields Museum в Чикаго. Совсем иначе подходите вы к тем же картинам на месте. И они говорят вам совсем другое. Каждое

движение руки Будды полно живого значения для здешнего мира. Добрые и злые духи с их бесчисленными символами из орнамента преобразуются в живущий эпос. Оправлены образы поражающей гармонии тонов. Лучше старинная работа, но и новые картины бывают отличны.

* * *

Предскажем этим изображениям большое будущее так же, как двадцать лет назад было указано грядущее значение русских икон.

* * *

Было оказано справедливое внимание китайскому и японскому искусству. Сложная литература кристаллизовала это тонкое художество. Но после изучения классического Египта, после японской зоркости, после романтического Китая и после узорчатости персидской и могульской миниатюр теперь появился новый предмет изучения и любования. Подходит среднеазиатское и тибетское искусство. В пламенной фантастике, в величавости тонкой формы, в напряженной сложной гамме тонов явлено совершенно особое яркое творчество. Своим спокойным выражением это искусство отвечает тайне колыбели человечества, образует собой особый храм, к которому вовремя направлены вопросы и поиски.

* * *

Только бы постучаться в двери этой красоты без угроз, без оружия, без грабежа. С полной готовностью собрать жемчуг глубочайших, анонимных достижений. И без внешне научного лицемерия. И без подкупного предательства.

* * *

Изучать жизнь соловья, прежде всего убив его, не есть ли это варварство?

* * *

Четко запомнились некоторые вещи из находок Козлова, в Харахото, в Монголии. Вспоминается чудесное изображение женской головы. Если такие люди жили в замолкших городах пустынь, то как далеки были эти места от дикости.

* * *

Мудро, мудро, что пустыни успели сохранить для человечества новые сокровища. И не только сокровища вещей...

* * *

Не только о мечях татарских надо вспоминать, представляя жизнь Средней Азии. Там шатер всех путников и искателей. Духовность Монголии и теперь считается очень высокой. Даже к Ханским Ставкам приглашались лучшие художники.

* * *

Помню, как бедствовал один молодой доктор, по службе посланный в Ургу в Монголию. Бедный, он не знал, как и что искать. Если бы молодежь знала, какие сокровища для нее приготовлены и лежат на краю дороги не поднятыми. Иногда только взять остается.

* * *

Пастушонок нашел три пуда золота в скифских вещах, ибо заинтересовался искоркой металла, блеснувшей в откосе смытого дождями холма. Сколько таких искр сверкает, но часто глаза полны лени.

* * *

Благословенный Майтрейя – Мессия – всегда изображается в венце. В большом образе. В Ташилумпо (монастырь Таши Ламы) три года назад поставлено гигантское изображение Майтрейи – Спасителя мира. Эту идею приносит новый наступающий век тибетского летоисчисления.

* * *

Во время служения в храмах разносят дымящийся тибетский чай. Есть идея Грааля в этом наполнении сосудов перед ликом благословенным. Не оставьте сосуд пустым – это противно обычаю Востока. И потом эти гигантские трубы, как глас архангелов с громом, с призывом к будущему. И согбенные спины в пурпурных плащах мыслят о будущем. И сто восемь огней огненным полем переливаются под ликом Спасителя мира.

* * *

В особом помещении хранятся маски хранителей религии. Неужели страшные личины могут символизировать религию блага? Они – не символы религии, но образы земных сил стихийных. И небо и земля.

* * *

Даже физический мир учения Тантры, опустившийся в современном понимании, должен быть оцуществен возвышенно. Не мог Учитель Падма Самбгава явить лишь материальное учение.

* * *

Смотрю на старую картину из монастыря Далинга. Деяния Учителя Падмы Самбгавы. Все его магические силы изображены в действии. Вот учитель в виде черноголового Ламы с Соломоновой звездой на головном уборе поражает дракона. Вот учитель низводит дождь. Вот спасает утопающего. Пленяет мелких злобных духов. Безоружно покоряет зверей. И магическим кинжалом поражает тигра, предварительно накрыв ему голову священным треугольником. Вот учитель обезвреживает змей. Вот он заклинает бурный поток. И посылает дождь. Вот он бесстрашно беседует с гигантским горным духом. Вот учитель легит превыше всех гор. Вот из убежища пещеры он спешит на помощь миру. И, наконец, в кругу бедной семьи молится о счастливом плавании отсутствующего домохозяина. Как бы ни было теперь затемнено его учение, но жизненность его изображена достаточно.

* * *

Или другая старинная картина. Рай Падмы Самбгавы. Учитель сидит в храме, окруженный праведными. Храм стоит на горе, отделенной от земного мира голубой рекой. Через реку протянуты белые хатки (шарфы), и по ним самоотверженные путники совершают переход к храму. Опять ясная картина духовного восхождения. Конечно, толкователи засорили и это явление, как перегружены ложной догмой и все прочие религии.

* * *

Конечно, Учитель Тзонг-Кха-Па нам еще ближе. Он повысился за пределы магии. Он запретил монахам проявлять магические силы. Его учение – Желтые Ламы – представляется менее испорченным.

* * *

Под Новый год, четвертого февраля, после заката вспыхивают огни в монастырях по холмам. И звон гонгов и дальние барабаны звучат... Утром — танцы.

* * *

Перед Новым годом уничтожают злых духов заклинаниями-танцами. В оленьем танце разрубается фигура злого духа и части его разбрасываются. И важно ходит по кругу покровитель религии, взмахивая мечом. И кружатся, размахивая крыльями широких рукавов, черноголовые Ламы. И музыканты в желтых высоких шапках выступают, как Берендеи в „Снегурочке”. И орлы черкают по воздуху над узорными углами храма. И на уступах холма пестреют собравшиеся толпы.

* * *

И самые танцы в день Нового года со страшными символами злых духов и скелетов приобретают жизненное значение. И как далеко впечатление страшных масок на солнечном фоне Гималаев от давящей черноты углов музеев, где такие атрибуты часто составлены, пугая посетителей видом условного ада. Конечно, весь этот ад и создан для пугания слабо-развитых душ. Много фантазии положено на изощрение адских обликов.

* * *

В монастыре Красных шапок впечатление не так светло. Там, где ближе благословенный Майтрейя, там звучнее и светлее движения и мощнее трубные гласы. В Красных монастырях Падмы Самбавы символика более условно земная. Действо начинается простой „мистерией” суда над умершим. Приходит важный владыка ада со своими помощниками. Зверообразные служители влекут черную душу умершего злодея: взвешивают преступления. Чаша проступков перевешивает, и злодея тут же ввергают в кипящий котел. То же происходит с душой преступницы. Но вот ведут Святого — в одеянии Ламы. Белый шарф украшает его. Конечно, суд милостлив, и три вестника радости ведут вознесенного в рай.

* * *

Пятнадцать лет назад умер замечательный Лама, пришедший из Монголии. Астрологически он установил ряд важных

событий будущего. Видели его изображение. В типе русского схимника. Сильный лик. Непобедимо тверды скулы. Остро зорки глаза. Во время ухода этого сильного духа радуга играла над основанным им монастырем. У него были редкие книги.

* * *

Книги доставать трудно. Надо посылать доверенное лицо в далекий путь. Существуют замечательные книги. Есть книга одного Таши Ламы о посещении им священной Шамбалы. Имеются сборники символических притч. Имеется трактат о переселении душ. Не переведены.

* * *

Учения, привезенные из Шамбалы, попадают и в трудах ученых Европы. На кладбище Дарджилинга погребен загадочный человек. Венгерец родом. Живший в конце XVIII столетия. Пешком он прошел из Венгрии в Тибет и оставался много лет в неизвестных монастырях. В тридцатых годах прошлого века Цома де Керез скончался. В трудах своих он указывает учение из Шамбалы, установившее следующую за Буддой иерархию. Пришел этот ученый из Венгрии, — характерно. Загадочна его деятельность.

* * *

Еще искра о Шамбале. Известный Таши Лама часто впадал в экстаз во время бесед с учениками. Иногда же и вовсе физически исчезал, переносясь в святилище Шамбала. Эти экстазы живо переносят во времена бесед Св. Иоанна де ла Круа со Св. Терезой, когда оба блаженных собеседника, придя в восторг, поднимались к потолку комнаты.

* * *

Среди благих действий припоминаются и искры возмущения духа. Поноситель приблизился к Будде, но Благословенный так возмущился, что искра молнии поразила дерзкого. Конечно, Благословенный остановил обратный удар и вернул к жизни нечестивца. Но тот уже был так потрясен случившимся, что забыл все свои приготовленные нападения. Искры обратного удара.

Известен случай, когда Сенген Лама, перед казнью в Лхассе, указал, что он скоро снова воплотится на земле. И действительно, очень скоро в китайском Туркестане родился мальчик с тем же редким характерным физическим недостатком на колене, каким отличался покойный Лама. Теперь этому монгольскому князю уже более двадцати лет. У нас служит сын покойного Ламы, ездивший по поручению отца к молодому князю.

Кому ведома верховая езда по Кавказу или по каньонам Аризоны и Колорадо, тот знает, как взбираться по кручам холмов Сиккима. Только вместо красочной трагедии американских чудес вы имеете восходящий сад, возвращенный таинственным подъемом религиозного духа. И сейчас по неведомым пещерам сидят отшельники и на струнах земли творят легенду жизни неба.

Кому ведомы подходы к старым монастырям и городищам Руси, с их цветущими холмами и пряно пахучим бором, тот поймет, как чувствуются подходы к монастырям Сиккима. Всегда твержу: если хотите увидеть прекрасное место, спросите, которое место здесь самое древнее. Умели эти незапамятные люди выбирать самые лучшие места.

Каждый перевал увенчан красивым Мендангом с колесами жизни, с рельефами молитв и с нишами седалищ перед ликом зовущих далее. Здесь медитируют ламы и путники. Здесь развеваются знамена. Здесь каждый ездок приостановит коня.

С перевалов окунаетесь опять в уходящие холмы. Убегают ребра разноцветных бугров. Точно спины барсов, тигров и волков.

После холмов опять сказки леса. Зеленые лесовики и чудища загораживают путь. Спутались зеленые нити. Змеи

переплели стволы. Притаились мшистые тигры и леопарды. Закладованный мир.

* * *

Самые причудливые холмы и скалы образуют как бы священную чашу — обширную долину. Посередине долины неприступно стоит опоясанная двумя реками гора Белый камень, увенчанная монастырем Ташидинг, что значит „Долина, открытая небу”. Древнее место. Попробуйте обыскать бесчисленные морщины и впадины всех скал, попробуйте найти сокровища, собранные у монастыря. И чудесный камень исполнения всех желаний. И бессмертную амриту. И сто изображений Будды. И все священные, временно сокрытые книги. И все другое, указанное в древней рукописной книге „Путешествие по Сиккиму”.

Очень трудны подступы к Ташидингу. Лишь недавно непроходимые тропы обратились в крутые пешеходные тропинки. Поистине, путь духа должен быть пройден ногами человеческими. Один переход через висячий бамбуковый мост нелегко. Гремит и мчит под ним горная река, неся святую воду с Кинченджанги. И выше моста по отвесным склонам много раз остановитесь: дойду ли? Много дыхания надо набрать, чтобы одолеть вековую гору.

* * *

На верхнем склоне устроена почетная встреча от землевладельцев. Брага, сахарный тростник и танжеринки под плетеным навесом, украшенным желтыми букетами. Дальше гремят барабаны и звенят серебряные гонги. Встреча от монастыря. На последнем уступе встречаются рожечники и трубы. Среди рядов пестрой толпы идете к старому месту.

* * *

За воротами монастыря встречаются ламы в пурпурных одеждах. Впереди них чудесный старик — настоятель монастыря. Точно тонкое резное изображение XV века. Так идете до раскинутых бирюзовых палаток. Среди леса ступ и разноцветных знамен. Среди веселых веренищ огней приношений.

* * *

В первое полнолуние после Нового года (было 20 февраля) в Ташидинге годовой праздник. Происходит чудо наполнения чаши. С давних времен, более восьми поколений запо-

ведано это чудо. Из указанного места горной реки берется небольшой сосуд воды и вливается в старинную деревянную чашу. В присутствии свидетелей, представителей Махараджи Сиккима чашу закрывают плотно и запечатывают. Через год в то же полнолуние, на восходе солнца чашу торжественно вскрывают и измеряют количество воды. Иногда вода уменьшается, но иногда и сильно увеличивается. В годы великой войны вода в три раза увеличилась, что и означало войну. Нынче вода вдвое уменьшилась, что значит голод и беспорядки. Этот недобрый знак увеличился еще другим знамением. Двадцатого февраля было полное лунное затмение. Небывалый знак недобрый.

* * *

Загудели трубы. Пронзительно завывли свистки. Народ в костюмах из „Снегурочки” устремился к большой священной ступе. Громкий хор пошел толпой вокруг. Многие распростерлись ниц на земле. Гулко загремели барабаны лам. Только что ясное лунное небо зачернело. Золотые огни приношений засверкали как по черному бархату. Полное затмение! Демон похитил луну! Такого еще не бывало в день чуда Ташидинга.

* * *

Но был и один добрый знак. На восходе солнца Старший Лама видел, как по вершинам гор загорелись гирлянды огоньков.

* * *

Когда луна была возвращена миру, вокруг главной ступы пошли танцы. Сущий русский хоровод. И песни. Тоже словно русские. Содержание духовное.

* * *

„В монастыре живет наш Господь Будда. Ему несем наше приношение”. Так начинается одна песня. Или: „Велика священная книга, но я найду ей место у моего сердца”. Или: „Вспоминаю я священный монастырь”.

* * *

В белом кафтане подходит художник, делавший роспись местного храма. Сговорились. Пойдет с нами и будет писать Благословенного Майтрейю. Покажет технику местного живописания.

* * *

Красные, желтые, белые, лиловые кафтаны. Алые, зеленые, белые женские рукава. Остроконечные шапки с опушками. Говср. Молитвы. Две ночи хождения вокруг ступы.

* * *

Прикладываются к камню, на котором благословлял сие место Учитель Падма Самбгава. Обходят другой камень с отпечатком ступни Учителя и отпечатком копыт и звериных лап. И опять хоры вокруг ступы исполнения всех желаний.

* * *

Входя в храм, идите по правую руку до стены алтаря. В храмах желтой секты в середине алтарной стены статуя Будды или теперь даже Майтрейи Будды. В красной секте посередине Падма Самбгава, а Будда – по правую руку. Иногда нижний храм посвящен Падме Самбгаве, а верхний – Будде. Такое размещение очень соответствует внутреннему смыслу учений. Будда – небо. Падма Самбгава – земля. По боковым местам изображения Авалоки тешвары – духовный коллектив, многоглавый и многорукий, – как наша русская Сторучица Богоматерь, а также статуи „Держателей молнии”, основателей монастырей и шестнадцать Архатов, сидящих в разных пещерах. На алтаре – светильники и всякие приношения. Семь чаш с водой. Блюдце риса и кадильницы курений. Ковчег реликвий.

* * *

Стены покрыты росписью. Чаще всего одна стена – алтарная. При входе – изображения четырех хранителей частей света. В каждом храме найдется изображение семи сокровищ, предлагаемых человечеству. На белом коне изображение чудесного камня.

* * *

В особом помещении хранятся священные книги. Общая мечта монастырей – увеличить число книг. Но книги дороги. Священный сборник – до тысячи рупий.

* * *

Особо трогательно служение тысячи огней под вечер перед чудом. Низкий храм с расписными колоннами и баляси-

нами. Посередине длинный стол, уставленный огнями. Вдоль стен тоже вереница огней. И все это море огоньков ласково колышется и мерцает, одернутое облачком курений сандала, дикой мяты и других благовоний, сжигаемых в кадилъницах. Стройно, хорошо пели во время этого служения.

* * *

По всем тропинкам выются караваны богомольцев. Высокие седла покрыты яркими тканями. Совсем дикие лошадки несут пузатую поклажу. Все толпится. Ищут места кочевки. Воздвигают новые знамена в память живых, но чаще умерших. Толпа собралась до двенадцати сотен. Но мирная, добрая толпа.

* * *

На ранней заре, задолго до восхода, когда снега на горах еще мутно-янтарны, лагерь уже шевелится. Ползет и ширится неясное гудение. Ранние молитвы мешаются с ударами копыт коней и мулов.

* * *

Утром к нашим шатрам идет шествие. Сам Старший Лама возглавляет несение даров. За ним, высоко поднятые, следуют подносы с рисом, с ребрами барана, с сахарным тростником, с брагой и плодами. Сам Лама передает приношение в нашу походную кухню.

* * *

Посреди ступ раскинулись шатры богомольцев. Вот под зеленым навесом сидят ламы из Тибета. Женщины им переворачивают страницы длинных молитвенников. Под ручные барабаны и гонги ламы поют тантрическую песню. Где же Стравинский, где же Завадский, чтобы изобразить мощный лад твердых призывов?

* * *

Недалеко группа из Непала бьет в такт ладонями и припевает. Посреди их женщина с застывшим лицом экстатически танцует танец Шарпа, полный тонких движений волхования. Иногда она трепещет руками, как птица, и издает какое-то птичье рокотание. Очень замечательно.

* * *

Тут же странники из Бутана молятся под красным навесом. Перед чудом и раздачей целебной воды вокруг ступ идет священный ход. Впереди трубачи в высоких красных шапках. За ними Ламы в тиарах. Следом длинный ряд священных книг.

* * *

На закате в палатке Старший Лама тихо говорит о святынях Сиккима, о чудесах, слышанных и им самим виденных. То шум роя невидимых пчел, то пение и небесная музыка, то явление образов священных. При нашем отъезде Лама указал два добрых знака. По пути три полных бамбуковых водоноса и два дровосека с полными вязанками дров — навстречу.

III

Ташидинг принадлежит к приходу большого монастыря Пемайандзе в дне пути. Тоже на вершине, Пемайандзе стоит властно. Недавно перестроен, но сделано подновление с чутьем. И даже новейшая живопись доставляет радость своей тонкой замысловатой декорацией. И резьба наличников сказочна. И высокие пороги тяжелых дверей переносят в древние деревянные храмы России. И сановиты главные ламы. И торжественны пурпурные одежды. И красные тиары на головах полны достоинства. Но все-таки еще больше вспоминается восьмидесятилетний настоятель Ташидинга. И все-то он борется и заботится и старается улучшить строение свое. И хозяйственный глаз его везде проникает.

* * *

За воротами Пемайандзе стоят стражи трехсотлетних деревьев. Сказочный лес царя Берендея. А улочка домов лам, как берендейская слобода, раскрашена и оснащена крылечками цветными и лесенками.

* * *

Вот „Небесная Священная гора”, и на вершине ее блестит горное озеро. Там маленький храм, основанный на месте жития основателя Красной секты в Сиккиме. Из Дубди основатель перешел на Святое озеро, а оттуда в древний Санга Челлинг. Четыре древнейших монастыря Сиккима: Дубди, Санга Челлинг, Далинг и Роблинг. И значение названий отличное:

„Место размышления“, „Остров тайного учения“, „Остров молнии“, „Остров счастливого стремления“.

* * *

Славный монастырь Санга Челлинг. Незабываем Далинг с бело-синим, словно фарфоровым, входом, среди бамбуковой рощи. Там бережно у алтаря хранится запечатанный, невоскрываемый ящик с реликвиями основателя храма. В Санга Челлинге нет реликвий, но зато там камень, освященный благословением основателя. Когда чиста жизнь монастыря, прочен и камень. Всякая грязь заставляет камень трескаться.

* * *

Вот они – мои милые новгородские и ярославские дверки. Вот она – прекрасная фресковая живопись. Вот они – цветные орнаменты, обвившие все наличники оконцев и дверей. Вот те же согбенные спины богомольцев, преданных вере. И огни прилежных приношений. И наши кули засвечивают огонек. Истинная лепта вдовицы. А над ними властно возвышается „Держатель молнии“.

* * *

В Пемайандзе Учитель Падма Самбгава не был, но в монастыре хранятся вещи, принадлежавшие основателю религии. Вещи запечатаны, но изредка показываются. Одевание. Головные уборы. Четки. Колокольчики чудного звона. Два магических кинжала и небольшое чудесное изображение Будды.

* * *

И трубы громче в Пемайандзе. И драконы-охранители страшнее. И влияние монастыря больше. И развалины дворца Махараджи вблизи. А первый Махараджа был (по-библейски) избран на царство главой религии. Но фигуры Майтреи нет в большом монастыре.

* * *

Некоторые одинокие храмы с единым огоньком, обвеянные персиковым, розовым цветом и усыпанные орхидеями и дикими пионами, еще ближе ведут по стопам простого постижения Учения.

* * *

Из леса выходит мужик, и голова его украшена белыми цветами. Где же это возможно? — В Сиккиме.

Бедны ли сиккимцы? Но там, где нет богатства, там нет и бедности. Просто живут люди. На холмах среди цветущих деревьев стоят мирные домики. Сквозь цветные ветки горят яркие звезды и сверкают снежные хребты. Люди носят овощи. Люди пасут скот. Люди приветливо улыбаются. Со сказочной музыкой ходят по крутым тропинкам в свадебных шествиях. Зная о перевоплощениях, спокойно сжигают прах тел. И поют. Заметьте: часто поют.

* * *

Правда, можно петь под навесом из разных цветов и растений. Орхидеи, как цветные глаза, прилепились к стволам великанов. Розовые, пурпурные и желтые букеты заливают путь веселыми искрами. И не простые растения. Много среди них издревле лечебных.

* * *

Полная даров, ждет природа. Придите излечиться. Шарура, парура, оррура — три самых главных плода против простуды, кашля и лихорадки. Шарура — как желтая вишня. Парура — как зеленый каштан. Оррура — зелено-желтое яблочко. Все терпки и полны танина. Вот красная кора аку омбо против ран. Как гигантский сухой боб серги пруба от лихорадки. Шута — сухой, горький корень от опухоли и от горла. Бассак — коричневый порошок от простуды. Красный стебель цё поставляет маженту. Горькая на вкус пурма — для курений. Вареве из корней берекуро — для женских болезней. Цветы Дангеро от желудка, так же как и цветы красного рододендрона. Лист Dysro для дезинфекции ран. Мемшинг пати — священное растение в Непале, им украшают голову на торжествах. Без конца полезных растений, ждущих лучшего применения и изучения.

* * *

Листы травы ауа дути размягчают камни, так же как и снежные лягушки в Гималаях. Потому, если видите на камне отпечаток копыта оленя или лапы зверя, значит, они или ели, или касались чудесной травы. Еще один поворот к легенде. Около Фалюта на путях к Кинченджанге растет драгоценное растение черный аконит. Цветок его светится ночью. По этому

свету и отыскивают это редкое растение. Легенда русского жар-цвета, волшебного цветка исполнения всех желаний, ведет не к предрассудку, а в тот же родник, где скрыто еще так многое.

* * *

Перед нашими воротами сказался странный дар. Ветки пихты, рододендрона и еще какого-то растения лежали, обращенные листьями к нашему дому, прикрытые плоским камнем. Это — сунниум-заклятие. Человек, поднявший это приношение, получает на себя то, что положено. Или худое, или хорошее. Или болезнь, или горе. Или радость. Много дней лежал этот сунниум, и даже лошади как-то не касались его. Такое же закливание видели мы в предместье Джайпура. Там посреди улицы в плоской корзине лежали печень барана, цветы и три серебряных рупии. Никто не дотронулся до них.

* * *

Эти заклятия очень древнего происхождения. Инвольтация черных магов всегда говорит о заклятых предметах.

* * *

Также всюду известны легенды о случайном посещении священных мест, причем болтливость вызывает немоту или даже смерть. Так, говорят, что один шикари (охотник) в Ассаме случайно дошел и видел тайны священного места, но пытался рассказать об этом и потому онемел.

* * *

По берегу моря шагает палка. Одна шагает. Кверху ее привязан зажженный трут. Это колдуны Малабарского берега посылают заклятие поджечь дом врага. Доктор Джонс из Калькутты пытался догнать такую палку, но она „ушла” быстрее его.

* * *

Легенда или случай около Монголии. Скончалась почитаемая мать, и сын хотел, чтобы высокий лама, обладающий высшими силами, совершил по ней службу. Но такого ламы не нашлось. Сын в момент смерти собрал дух умиравшей в сандаловый коробок и крепко обмотал это хранилище, а сам пригласил лучших лам из Тибета. Ламы сосредоточились над коробком. И вот один из них изменился в лице. Сперва покрас-

нел. Затем посинел. И у всех на глазах коробок лопнул и разлетелся вдребезги. Этот лама мог освободить дух и потому мог совершить служения.

* * *

Много говорят. Трудно отличить магические приемы от символов.

* * *

Все знают. Обо всем слышали. Обо всем могут толковать и припоминать в сумерках. „Нам-иг” (небесные письма) — письма и священные книги, упдающие с неба. Кольца, меняющие цвет серебра или бирюзы, в знак предостережения или предвещения. Зи — камень буса, посылаемая с неба поддерживать здоровье. Нахождение предметов, после исчезающих. Все знают.

* * *

Женщина была очень набожна и мечтала получить изображение Будды. Работая утром в саду, среди цветов она увидела изображение и принесла в божницу, но скоро Будда исчез из божницы. Женщина нашла в саду крутящийся сверкающий камень. Положила его в сундук и забыла. Камень тогда исчез. Всякое небрежение вызывает уход посланного счастья.

* * *

Записывайте не то, что прочтут из книг, а то, что расскажут, ибо эти мысли живут.

* * *

В сумерках при загорающихся звездах, в лиловом сиянии тумана звучит тихий рассказ ламы о „Владыке мира”, о его мощи, о его действии и мудрости, о его воинстве, в котором каждый воин будет наделен какой-либо чудесной силой. О сроках.

* * *

Предание из старой тибетской книги. Под символическими именами названы там передвижения Далай Ламы и Таши Ламы, уже исполнившиеся. Описаны особые физические приметы правителей, при которых страна подпадет под обезьян. Но затем оправится, и тогда придет некто очень большой. Его

прихода срок можно считать через двенадцать лет. Это выйдет 1936.

* * *

Когда пришло время Благословенному Будде покинуть эту землю, просили его четыре владыки Дарма Пала оставить людям его изображение. Благословенный дал согласие и указал лучшего художника. Но не смог художник снять точные промеры, ибо дрожала рука его, приближаясь к Благословенному. Тогда Будда сказал: „Я стану у воды. Ты сними промеры отражения“. Смог художник это сделать, и таким путем произошли четыре изображения, отлитые из священного состава семи металлов. Два из них сейчас в Лхассе, а два пока сокрыты до времени.

* * *

Тибетский владыка женился на китайской и непальской принцессах, чтобы за ними привлечь в Тибет два священных изображения Будды.

* * *

Через тысячу двести лет после Будды Учитель Падма Самбгава приблизил к земным путям учение Благословенного. При рождении Падмы Самбгавы все небо светилось и пастихи видели чудесные знаки. Восьмилетний Учитель показался миру в цветке лотоса. Падма Самбгава не умер, но ушел, чтобы научить новые страны. Без его ухода миру грозила бы опасность.

* * *

В пещере Кандро Сампо недалеко от Ташидинга около горячих ключей жил сам Падма Самбгава. Некий гигант вздумал строить проход на Тибет и пытался проникнуть в Священную страну. Тогда поднялся Благый Учитель, возвысился ростом и поразил дерзкого попытчика. Так уничтожен был гигант. И теперь в пещере стоит изображение Падмы Самбгавы, а за ним каменная дверь. Знают, что Учитель скрыл за дверью священные тайны для будущего, но сроки им еще не пришли.

* * *

Отчего так звучны большие трубы в буддийских храмах? Владыко Тибета решил призвать из Индии, из мест жизни Благословенного, ученого ламу, чтобы очистить основы учения.

Чем же встретить гостя? Высокий Лама, имев видение, дал рисунок новой трубы, чтобы гость был встречен неслыханным звуком. И встреча была чудной. Не роскошью золота, но ценностью звука.

* * *

Отчего так звучны гонги в храмах? Серебром звучат гонги и колокольчики на заре утра и вечера, когда высокие токи напряжены. Их звон напоминает прекрасную легенду о Высоком Ламе и Китайском Императоре. Чтобы испытать знание и ясновидение Ламы, император сделал для него сидение из священных книг и, накрыв их тканями, пригласил гостя сесть. Лама сотворил какие-то молитвы и сел. Император спросил: „Если вы все знаете, то как же вы сели на священные книги?“ „Здесь нет священных книг“, — отвечал Лама. И изумленный император вместо священных книг нашел пустую бумагу. И дал император Ламе дары и много колоколов ясного звона. Но Лама велел бросить их в реку, сказав: „Я не могу донести все это. Если надо, то Бог донесет эти дары до моего монастыря“. И река донесла колокола с хрустальным звоном, ясным, как волны реки.

* * *

Священны талисманы. Мать много раз просила сына привезти ей священное сокровище Будды. Но молодец забывал просьбу матери. Говорит она: „Вот умру перед тобой, если не принесешь теперь мне“. Но побывал сынок в Лхассе и опять забыл материнскую просьбу. Уже за полдня езды от дома он вспомнил, но где же найти в пустыне священные предметы? Нет ничего. Вот видит путник череп собачий. Решил, вынул зуб собаки и обернул желтым шелком. Везет к дому. Спрашивает старая: „Не забыл ли, сынок, мою последнюю просьбу?“ Подает он ей зуб собачий в шелке и говорит: „Это зуб Будды“. И кладет мать зуб в божницу и творит перед ним самые священные молитвы и обращает все свои помыслы к своей святыне. И сделалось чудо. Начал светиться зуб чистыми лучами. И произошли от него чудеса и многие священные предметы.

* * *

Человек двенадцать лет искал Майтрею Будду. Нигде не нашел. Разгневался и отказался. Идет путем. Видит, странник конским волосом пилит железную палку. И твердит: „Если даже жизни моей не хватит, все-таки перепилю“. Смутился

человек: „Что значат мои двенадцать лет перед таким упорством? Вернусь я к моим исканиям”. И тогда явился человеку сам Майтрейя Будда и сказал: „Давно уже я с тобою, но не замечаешь и гонишь и плюешь на меня. Вот сделаем испытание. Пойди на базар. Я буду на плече твоём”. Пошел человек, зная, что несет Бога, но шарахнулись от него люди. Разбежались. Носы заткнули и закрыли глаза. „Почему бежите вы, люди?” „Что за ужас у тебя на плече. Вся в язвах смердящая собака”. И опять не увидели люди Майтрею Будду. И увидели, чего каждый достоин.

* * *

Лама сказал: „Три рода учения. Одно — для посторонних. Другое — для своих. Третье — для посвященных, могущих вместе. Вот по неразумию они убивают животных. И пьют вино и едят мясо. И живут грязно. А разве учение позволяет все это? Где красота, там религия. Где религия, там красота”.

* * *

Чувствительны здесь люди. Ваши ощущения и намерения передаются здесь так легко. Потому знайте четко, что хотите. Иначе вместо Бога увидите собаку.

* * *

Главное не то, что захоронено в прошлом, что запылело в старинных книгах, переписанных и недописанных. При новом строительстве важно то, что еще сейчас возвращается в жизни. Не по полкам библиотек, а по живому слову измеряется состояние духа.

* * *

Под Кинченджангой притаились пещеры, где хранимы сокровища. В каменных гробах молятся пещерники, истязая себя во имя будущего. Но будущее уже овеяно солнцем. Уже не в тайных пещерах, но в солнечном свете почитание и ожидание Майтрейи Будды. Уже три года, как Таши Лама в своем Ташилумпо торжественно и явно воздвиг великое изображение Грядущего. Идет незримая, напряженная работа.

* * *

Таши Лама через Сикким и Калькутту путями Китая проехал в Монголию. Никогда такое не бывало. Тайна. Впрочем,

может быть, через Сикким проехал лишь отводный отряд, а сам Лама двинулся на Монголию.

* * *

В священное утро на горах засветились вереницы огоньков. Тайна.

* * *

Сейчас волна внимания к Тибету. За стеною гор идут события. Но тибетская тайна велика. Сведения противоречивы. Куда исчез Таши Лама? Какие военные действия на границе Китая? Что делается на монгольской границе? Год событий.

* * *

Называли Сикким страной молнии. Конечно, и молнии здесь бывают, но не проще ли назвать: „страна небесных ступеней”. Лучшего преддверия к тайнам будущего трудно придумать. Неисследованная, малопроницаемая страна скал и цветов.

* * *

Как в сказке. Как на блюдечке за серебряным яблочком. Открываются холмы и ступени Гималаев. Сто монастырей Сиккима. Наверное, гораздо больше. Каждый из них увенчал вершину холма. Малый храмик в Чаконг. Большой субурган и монастырь в Ринченпонг. На следующей горе белеет Пемайандзе. Еще выше Санга Челлинг. Ташидинг мало виден. По другую сторону долины Далинг. Против него Раблинг. Ближе Намдзе. За сорок миль видны монастыри. Забываем, что здесь видится необычно далеко.

* * *

И опять перед нами стена на Тибет. И не хребет ящера, но белоснежный пояс раскинулся по вершинам стены. Пояс земли. Поставим стрелу на север. Там должны быть основания горы Меру.

* * *

Талмуд говорит, что голубь принес первую масличную ветвь Ною с горы Мория. И гора Мория и гора Меру – в Азии. Здесь начало всего. Здесь начало всех путников, всех искателей. Здесь не воздвигнуто первое изображение Благосло-

венного Майтрейи – Мессии – Мунтазара (Мунтазар – Мессия, ожидаемый мусульманами. – Примеч. изд.). Трижды мощное М. Здесь, поверх всех споров, религии подняли масляничную ветвь нового мира.

* * *

Подошел сам, потрогал – прикоснулся к шатру. Кто этот человек с длинной черной косой, с бирюзовой серьгой в ухе, в белом кафтане? Местный живописец – лама Пема Дон-дуб.

„Можешь ли написать нам Благословенного Майтрейю, совершенно так, как в Таши Лумпо?“ Взялся и вот сидит на коврике, в уголке белой галереи и различно цветно пишет полный символами лик. Приготавливает ткань для писания, покрывает ее левкасом (мел на клею) и выглаживает раковиной. Совершенно как русские иконописцы. Так же растирает краски, так же греет их на жаровне, так же втыкает запасную кисть в черные густые волосы. И жена его, из Тибета, помогает ему готовить краски. И так в уголке белой галереи расцветивается замысловатый образ. Все символы укрепляют Благословенного. И страшный, птицеподобный Гаруда, и Ганеши – слон счастья, и Чинтамани – конь белый, несущий на спине чудесный камень – сокровище мира. Целый священный хоровод избранных образов. А на лик и благие руки кладется чистое золото. И так же, как наши иконописцы, поет лама-иконописатель молитвы во время работы. Молитвы усилились – значит, приступил к самому Лику. И еще диво, только возможное в этой стране. В глубоких сумерках, когда наливающийся месяц уже вступает в права, по дому разносятся серебряные звуки самодельной флейты. В темноте художник-лама на коврике переливчато играет перед Ликом Майтрейи – Мессии – Мунтазара. Струны земли.

Бкра-шис-лдинг. Февраль, 1924.

СВОБОДА ВЕЩЕЙ

Вы спрашиваете, зачем мой музей в Америке? Как я сам отношусь, что мои картины прикреплены к чужой почве вне России? Но, во-первых, почему почва Америки чужая? Даже Аляска была русской и добровольно уступлена друзьям. Затем, почему мы будем связывать себя границами старых ограничений. Вся жестокая проволока уже снимается, и наши глаза начинают видеть гораздо дальше. Но теперь самое главное:

зачем мы будем говорить об ощущениях человека, когда дело идет о движении предметов, имеющих свою особенную жизнь. Часто мы видим, как предмет, всячески огражденный и сохраняемый, первым погибает, и рядом вещь, почти выброшенная на улицу, живет века. Слишком долго говорить о внутреннем значении вещей. Теперь особенно важно сказать, как в человеческой жизни, так и в жизни вещей „дайте свободу“. Дайте вещам жить, передвигаться и вносить новые условия жизни там, где сейчас они наиболее нужны. Особенно это важно в предметах искусства и науки. Смешны пошлости и заграждения и запрещения там, где творил чистый дух человеческий. Потому скажем, пусть предметы несут свое пламя очищения там, где сейчас им указано обстоятельствами. Кто может знать, какие причины складывают именно это следствие. И кто может утверждать, что, привязав творения к случайной почве их возникновения или случайности рождения автора, мы готовим для них лучшее место и значение.

Мне особенно легко сказать это, ибо я столько раз говорил о красотах России и указывал все внутреннее значение народа русского. Зачем же не посмотреть теперь в будущее, когда неожиданные, но глубоко логичные мосты строятся между народами. И когда, право, трудно сказать, какой именно камень является лучшим основанием будущих нужных построений. Если я люблю Россию, то почему мне не любить Америку. Если я вижу прекрасные стороны этой молодой страны, наследия Атлантиды, то почему я должен забыть о сокровищнице русской, повитой всеми дарами мудрости Востока. Право, поменьше отрицаний, поменьше невежества, и границы расширятся, и блестящие возможности сами сплетутся в венки красоты, и невозможное вчера станет возможным завтра. Потому проще и светлее и во имя труда и красоты будем думать шире.

А предметы отпустим тоже на волю. Пусть творят свою жизнь, где и как указала им судьба, их сложившая.

Talai Pho-brang, 1924.

ПОХВАЛА ВРАГАМ

Так вот и побеседуем. Вы будете препятствовать, а мы будем строить. Вы будете задерживать строение, а мы будем изощряться. Вы будете направлять все ваши стрелы, а мы до-

станем все наши щиты. Вы сочините сложную стратегию, а мы займем новое место. И там, где нам будет один путь, вам придется в преследовании испробовать сто. И подкопы ваши лишь укажут нам горные пути. И когда мы подсчитаем движения наши, то вам придется составить изрядный том отрицаний, а нас не затруднит этот подсчет. Право, невесело высчитывать все, что не по вашим правилам сделано. Измочалятся пальцы ваши, загибая все случаи запрещений и отрицаний.

В конце же всех действий силы останутся за нами. Ибо мы изгнали страх и обучились терпению. И разочаровать нас уже нельзя. И каждую вашу уловку, ужимку, умолчание покроем улыбкой. И не потому, что мы были какие-то особенные, а просто мы не любим отрицательных словарей. И каждый бой принимаем лишь в планах созидательных.

И в сотенный раз мы, улыбаясь, говорим: „Спасибо вам, враги и преследователи. Вы научили нас искусству находчивости и неутомимости. Благодаря вам мы нашли такие прекрасные горы, где залежи руд неисчерпаемы. По вашей ярости подковы коней наших подбиты чистым серебром, не достигаемым в преследовании. Благодаря вам шатры наши светятся синим огнем”.

Вам очень хочется узнать, кто же мы такие на самом деле? Где живем? Кто идет с нами? Ведь вы сочинили о нас столько лжи, что даже сами теряетесь, где же граница. В то же время некоторые неглупые люди утверждают, что с нами идти полезно и выгодно. И никто из шедших с нами ничто не утратил, но получил новые возможности.

Где мы живем? Местожительств у нас много, в разных странах. И неусыпные друзья охраняют дома наши. Имена их не скажем, так же как не будем расспрашивать вас о местожительстве ваших друзей. И считать ваших друзей тоже не собираемся. И привлекать их тоже не будем.

Многие идут с нами. И во всех частях света на высотах горят дружеские огни. Около них доброжелательный путник всегда найдет себе место. И, правда, спешат эти путники. Ведь кроме печатного и почтового слова есть всякие сообщения без проводов. Быстрее ветра. В едином вздохе переносящие по миру и радость, и скорбь, и помощь. И как пламенная ограда, стоит охрана друзей. Такое уж теперь время особенное.

Не надейтесь привлечь к себе многих из молодежи. Она теперь тоже особенная. Также в самых разных странах об одном мыслит. И легко находит ключ от тайны. Тайна эта влечет молодежь к прекрасному Жар-Цвету. И наша молодежь знает, что самые жестокие будни могут быть превращены в праздник труда и находжений. Есть в ней мужественное со-

знание того, что суждено ей нечто светлое и большое. И у этого большого огня никто не отринут.

Знаем, этих тихо приходящих после трудовых часов спросить, как же жить? И покрасневшие от работы пальцы нервно перебирают какую-то вереницу несказанных, нужных вопросов. Этим рукам нельзя подать камень вместо хлеба знания.

Помним, как они приходили в сумерках и просили не уезжать. И нельзя было сказать этим молодым друзьям, что не от них уехать надо, но для них надо ехать. Чтобы им привезти ларец.

Вот вы, стрицатели, опять спрашиваете, как мы можем понимать друг друга без ссор? По одному сознанию, что друг приносит только самое нужное. Друг не теряет время. И спор заменяется обсуждением. Самое примитивное чувство ритма и меры вносит дисциплину свободы. И понимание единения, вне сомнений, лишь в светлых поисках преображает всю жизнь. И потом есть еще нечто, что так хотелось бы вам услышать, но что вы можете найти сами, сознательно и не-преклонно и благостно устремившись.

Вот вы не прочь стать важными и окутаться высокомерием, а упускаете, что „важность” есть верный признак вульгарности.

Вот вы говорите о науке, а каждый новый опыт вам кажется подозрительным.

Вот вы часто сердитесь и „выходите из себя”. Между тем это последнее надо применять как раз наоборот.

Вот вы осуждаете и сплетничаете. И тем самым наполняете воздух „бумерангами”, которые потом щелкают ваш собственный лоб. „Бедный Макарь” жалуется на шишки, больно его бьющие, но ведь он сам их раскидал.

Вот вы смеетесь над „уединением”, а сами не знаете наиболее практического применения лаборатории жизни. Сами же вы стремитесь скорей выйти из слишком накуренной комнаты.

Вот вы часто притаиваетесь и опасаетесь. И боитесь. А между тем страх есть худшая отравка, изобретенная самыми злыми существами.

Вот вы сомневаетесь и предательствуете, а того не хотите знать, что оба эти ничтожества происходят из легкомыслия. И не детям свойственно легкомыслие. Наоборот, именно с годами оно разрастается в очень безобразный огород.

Вот вы ужасаетесь, если вас обвинить в предрассудках. А между тем вы наполнили ими всю вашу жизнь. И не поступитесь ни одной из ваших условных привычек, которые затемняют самые простые, жизненные понятия.

Вы настолько боитесь показаться смешными, что заставляете улыбнуться. И вы ужасаетесь призыву: „Будьте новыми, будьте новыми не на сцене, но в вашей собственной жизни”.

Вы не любите разговоров о смерти, ибо для вас она еще существует. И вы отвели под кладбища изрядную часть мира. И вы тщательно вырабатываете ритуал похоронных процессий, точно этот предмет заслуживает малейшего внимания.

И вы избегаете слово „подвиг”, ибо для вас оно сопряжено или со схимой, или с красным крестом. По-вашему, в жизни странно и неуместно заниматься этими понятиями.

Не будем даже упоминать о вашем глубоком уважении к денежным вопросам. Не необходимость, но культ для вас заключает в этих расписках срама современного мира. И мечтаете вы позолотить ваш заржавленный щит.

Когда же вы призовете самого разрушительного Шиву, мы обратимся к творящей Лакшми. Сейчас ведь Сатурн молчит, а звезда Матери Мира окружает Землю своими лучами будущих созиданий.

Вы обвиняете нас в заоблачной неосновательности, но, оказывается, именно мы заняты самыми жизненными опытами. И как неслыханно трудятся наши друзья, изыскивая способы новых опытов блага.

В раздражении вы называли наши находения „барсовыми прыжками”. Вы были готовы судить о нас, совершенно не зная, что именно мы делаем. А ведь вы будто бы осуждаете тех, кто говорит о том, чего не знает. Зачем же сами именно так и поступаете? Где же ваша „справедливость”, для которой вы сшили такие неуклюжие театральные тоги?

Когда же вы будете думать, что мы, вам на радость, исчезли, это будет значить, что мы уже снова приближаемся новым путем.

Впрочем, не будем ссориться. Даже похвалить вас надо. Ваша деятельность нам полезна. И все ваши самые хитрые выдумки дают нам возможность продолжить поучительную шахматную игру.

Talai Pho-brang, 24 апреля 1924.

ЗВЕЗДА МАТЕРИ МИРА

Семизначное созвездие под именем семи сестер или семи старцев или большой медведицы привлекло внимание всего человечества. Библия славословит это созвездие. Буддийская

священная Трипитака ему же посылает пространное моление. Древние майя и египтяне на камнях его запечатлели. К нему же обращалась „черная” вера шамана дикой тайги. Другому чуду неба — созвездия Ориона — посвящены древние таинственные храмы Средней Азии. Ему же сознание астрономов подносит название „трех магов”. Как два сверкающих крыла, раскинулись по небу эти два созвездия. Между ними неудержно сейчас несется к земле звезда утра — светлая обитель Матери Мира. И своим подавляющим светом, своим знаменательно небывалым приближением предугадывает новую великую эпоху человечества.

Давно запечатленные сроки исполняются в звездных рунах. Прозрения египетских иерофантов облакаются в действия перед нашими глазами. Поистине замечательное время для зрячих.

Так же предначертанно и неудержно нисходит на человечество спутница Матери Мира — живая ткань красоты. Как пелена высшего очищения знак красоты должен освятить каждый очаг.

„Простота, красота и бесстрашие”. Так заповедано. Бесстрашие есть наш водитель. Красота есть луч постижения и возвышения. Простота есть ключ от врат Тайны грядущей.

И не „простота” ханжества и униженности. Но великая простота достижения, осеянная складками любви. Простота, отворяющая самые тайные, самые священные врата каждому принесшему светильник искренности и немолчного труда.

И не „красота” условности и лживости, затаившая червей разложения. Но красота духа истины, отбросившая все предрассудки. Красота, озаренная истинной свободой и подвигом, в сиянии чуда цветов и звуков.

И не подкрашенное бесстрашие. Но бесстрашие, знающее необъятность Создания, отличающее самоуверенность в действии от чванного самомнения. Бесстрашие, владеющее „мечом мужества” и поражающее пошлость во всех ее видах, хотя бы парчой прикрытую.

Понимание этих трех заветов и действенное выявление их в жизни создает „убедительность”, создает оплот Духа.

За прошлое десятилетие все пришло в движение. Тронулись самые заскорузлые громады. Наконец, даже самые тупоумные поняли, что без Красоты, Простоты, Бесстрашия невозможно никакое строительство новой жизни. Невозможно обновление религии, политики, науки, переоценки труда. Без Красоты, как сухие опавшие листья будут унесены вихрем жизни исписанные листы бумаги, и вопль духовного голода по-прежнему будет потрясать пустынные в своем многолюдстве города.

Мы видели революции. Мы видели толпы. Мы прошли через толпы революции. Но лишь там видели над ними знамя мира, где вспыхивала Красота и молнией чудесной мощи родила общее понимание.

Мы видели, как в России именно носители и собиратели Красоты пережили потрясение легче всех прочих. Художники всех отраслей были приветствованы народом. И собиратели, именно личные собиратели, не случайные наследственные владельцы, были отличены толпой. Мы видели, как самая огненная молодежь настораживалась молитвенно под крылом Красоты. И останки Религии возвышались там, где не умерла Красота. И щит Красоты был самым прочным.

“Master Institute of United Arts” и Международный центр искусства “Corona Mundi” в Нью-Йорке имеют на щите своем утверждения:

„Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата „священного источника“. Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому оно принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем...”

(“Paths of Blessings”. Santa Fe 1921.)

— „Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже „земные“ люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, — мы знаем, что произносим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все „священные врата“. Под знаком красоты мы идем радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И теперь произ-

носим эти слова не на снежных вершинах, но в суе города. И чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее”.

(New Era, 11 July 1922.)

На жизненных примерах можно утверждать, что эти слова — не утопия мечтателя. Нет, это синтез опыта, собранного на мирных и бранных полях. И не внес разочарования этот многообразный опыт. Наоборот, он укрепил веру в сужденные, в близкие, в светлые возможности. Именно опыт построил уверенность в тех новых, которые спешат помочь строительству Храма, и радостные голоса их уже слышны за холмом.

Этот же опыт обратил глаза на детей, которые, даже ненаученные, но лишь допущенные, уже расцветают, как цветы чудесного сада. И очищаются мысли их, и просветляются глаза, и дух стремится выявить слово подвига. И все это не в заоблачных храмах, а здесь, на земле. Здесь, где забыто так много прекрасного.

Кажется невероятным, чтобы люди добровольно могли забыть лучшие возможности. Но это бывает чаще, нежели можно представить. Люди утеряли ключ к символам Риг-Вед. Люди забыли смысл Каббалы. Люди обезобразили прекрасное слово Будды. Люди золотом принизили божественную простоту Христа. И забыли, забыли, забыли лучшие ключи от врат.

Теряют люди легко, а как же находят? Пути нахождения позволяют каждому надеяться. Почему нет, если наполеоновский солдат в траншее нашел Розетский камень — ключ к пониманию всего иероглифа Египта. Сейчас, когда бьет поистине час последний, люди — еще немногие из них — начинают спешно вспоминать о кладах, им принадлежащих давно. И снова начинают греметь у пояса ключи доверия. И сны четко и властно зовут к покинутой, но существующей красоте. Только примите. Только возьмите и увидите, как изменится внутренняя жизнь ваша. Как затрепещет дух в сознании беспредельных возможностей. И как легко осенит Красота и Храм, и дворец, и каждый очаг, где греется человеческое сердце.

Часто не знают, как приступить к Красоте? Где же палаты достойные, где же ткани и торжество красок и звуков? Ведь бедны мы.

Но не заслоняйтесь призраком бедности. Там, где созрело желание, там расцвело и решение. Как же начнем Музей строить?

Просто, ибо все должно быть просто. Любая комната будет музеем, и если желание было достойно, то в скорейший срок вознесется и отдельное здание и храм. И придут новые издалеку и постучатся. Лишь стук не проспите.

Как же начнем собирать? Опять просто, без богатства, лишь с сознанием несокрушимым. Мы знаем очень бедных и очень замечательных собирателей, которые, стесняясь в каждом гроше, составляли художественные собрания, полные большого внутреннего значения.

Как же мы можем издавать? Так же точно мы знаем обширные художественные издательства, начатые с ничтожными средствами. Большое идейное издательство художественных открытых писем Св. Евгении было начато с пятью тысячами и через десять лет давало сотни тысяч дохода. Но не денежным доходом измерялось значение этого дела. Значение измерялось количеством широко разбросанных художественных воспроизведений, привлечших к пути Красоты множество новых, молодых сердец. Цветная открытка, изданная художественно и в определенной системе, проникла в новые круги народа и образовала молодых энтузиастов. Сколько новых собирателей родилось. И, получив доступ к сердцам, издательство послало в мир воспроизведение самых прогрессивных творений. Так из бесстрашия, в простоте ясности рождались дела Красоты.

Как же мы можем открывать школы и учить? Тоже просто. Только не будем ждать отдельных домов. Не будем воздыхать о примитивности или недостатке материалов. Самая маленькая комнатка — не более кельи *Fra Beato Angelico* во Флоренции — может вместить наиболее ценные украшения об искусстве. Самый малый набор красок не умалит художественной сущности творения. И самый бедный холст может принять Лик самый священный. Если есть сознание неотложной важности учения искусству, то надо его начать без всякого замедления. Надо знать, что средства придут, если явлен энтузиазм уверенности. Отдайте знания и получите возможность. И чем больше отдачи, тем богаче получка. Посмотрим, как пишет хранитель Эрмитажа в Петербурге Сергей Эрнст о школе, которая в свое время частной инициативой началась в одной комнате, а затем имела две тысячи учащихся ежегодно.

„В пригожий майский день большой зал на Морской являет взору широкий, веселый праздник — чего, чего тут только нет: целая стена занята строго сияющими иконами, столы заполнены пестрым, нарядным роем майоликовых ваз и фигур, тонко расписанных украшений чайного стола. Дальше

богато лежат шитые шелками, золотом и шерстью ковры, подушки, ширинки, бювары. Стоит уютная, украшенная „хитрым рукоделием” мебель. В витринах разложены красивые мелочи. На стенах расположены проекты самых разнообразных предметов убранства дома, начиная с архитектурных проектов и кончая композицией фарфоровой статуэтки. Архитектурные обмеры и изображения памятников старинного искусства. Интересные иллюстрации графического класса. На окнах колоритными, сочными пятнами красуются создания класса цветного стекла. Дальше перед зрителем белая толпа творений класса скульптуры, рисунки класса рисования с животных, а наверху ждет целая галерея работ маслом и рисунков с натуры. И вся эта масса разносторонних творений живет, движется, полная молодого энтузиазма. Все счастливые находки искусства наших дней получают в ней должный отклик, и развитие ее идет в контакте с художественными запросами современности. А что же лучше и почтеннее может рекомендовать художественную школу, нежели этот драгоценный и редкий контакт”.

В этом контакте энтузиазма и бережливости всех драгоценных достижений легко растет школьное дело, и новые силы ежегодно формируются как лучшие стражи грядущей культуры Духа.

Как же мы можем достать этих новых? Это самое простое. Если на деле будет сиять Знак простоты, красоты и бесстрашия, то новые силы придут быстро. Придут обездоленные молодые головы, ждущие чуда прекрасного. Лишь бы не пропустить этих искателей. Лишь бы в сумерках не упустить еще одного из них...

Как же нам самим приблизиться к Красоте? Это — самое трудное. Можно картины издать, можно выставку сделать, можно любую мастерскую открыть. Но куда же поступят картины с выставки и куда проникнут изделия мастерской? Легко говорить, но труднее допустить Красоту в обиход жизни. Но пока мы сами не допустим Красоту в жизнь, какую же ценность будут иметь все наши утверждения?! Они будут пустыми знаменами у пустого очага. Допуская Красоту в дом, надо решить бесповоротное изгнание всякой пошлости, напыщенности, всего, что противоречит прекрасной простоте. И час утверждения Красоты в жизнь пришел. Пришел в восстании духа народов. Пришел в грозе и молнии. Настал час перед приходом Того, Чьи шаги уже слышны.

У каждого имеются „весы за пазухой”. Каждый сам себе отмеривает Карму. И вот сейчас, в щедрости, всем опять предложена живая ткань Красоты. И каждое живое мыслящее су-

щество может получить из нее одеяние. И бросьте этот нелепый страх, шепчущий, что нечто не для вас. От серого страха будней надо лечиться. Ведь все для вас, только проявите желание из чистого источника. И помните, что на льду цветы не растут. Сколько льдинок мы разбрасываем, подмораживая лучшие стремления. Из-за подлой испуганности и отрицаний. Иные — малодушные — все-таки тихонько думают, что неприменима Красота среди серых шлаков современности. Но лишь малодушие шепчет это. Малодушие косности. Еще при нас люди твердили, что от электричества слепнут глаза, что телефон губителен для слуха и что моторы непригодны для проезжих дорог. Так же точно невежественно опасение о неприменимости Красоты.

И вообще выведите, наконец, из обихода это нелепое, немое „нет” и замените его даром дружества, драгоценностью духа: „да”. Сколько косности неумолимой в „нет” и сколько светлого открытого достижения в „да”.

Только стоит сказать „да”, и камень снимется, и недоступное еще вчера станет близким и исполнимым сегодня.

Помним трогательный случай, когда малыш, не зная, как помочь умиравшей матери, написал, как смог, письмо Николаю Чудотворцу и пошел опустить его в почтовый ящик. Прохожий „случайный” хотел помочь ему дотянуться до ящика и увидел необычайный адрес. И правда, помощь Николая Чудотворца пришла к бедному очагу.

И усилиями неба и земли, в открытом сознании, в жизненном применении, снова живая ткань красоты сойдет человеку. Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты и гармоничны и прекрасны они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать все, что касается их области. Искры их сияния должны проникнуть в жизнь людей, ожидающих приход скорый. Чем встретить? Конечно, самым лучшим. Как дождаться? Погружаясь в красоту. Как охватить и вместить? Наполняясь бесстрашием, которое дается сознанием красоты. Как поклониться? Как перед красотой, которая и врагов восхищает.

В глубоких сумерках, когда невиданно ярко загорается звезда Матери Мира, снизу опять несется волна священного лада. Опять тибетский иконописец на бамбуковой флейте играет перед неоконченным ликом Будды Майтрейи. Тому, кого ждут, этот человек с длинной черной косой тоже, по-своему, приносит свое лучшее умение, украшая образ всеми символами благой мощи.

Так и принесем красоту народу просто, красиво и бесстрашно.

Иногда вы спросите: зачем вы повторяете определенную мысль? Но гвоздь вбивается лишь повторными ударами. Принцип японской борьбы – повторный удар. Потому не бойтесь, если и вам придется твердить.

Ведь не „сидение на тучах” и не „играние на арфах” и не „гимны неподвижности”, но упорный и озаренный труд сужден. Не маг, не учитель под древом, не складки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведет к вратам прекрасным. Приведет в полной находчивости и непобедимости.

Talai Pho-brang, 8 мая 1924.

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства „Алатас”	3
Пути Благословения	4
Неотпитая чаша	18
Пламя	20
Адамант	36
Одеяние духа	43
Действие	49
Новая эра	52
Право входа	58
Струны земли	60
Свобода вещей	91
Похвала врагам	92
Звезда Матери Мира	95

Научно-популярное издание

Рерих Николай Константинович

ПУТИ БЛАГОСЛОВЕНИЯ

В оформлении обложки
использован рисунок Н. К. Рериха

Заведующий редакцией *Г. Г. Ануфриев*

Редактор *Л. Ф. Коробкина*

Младший редактор *С. М. Смирнов*

Художник *В. И. Шелк*

Художественный редактор *Р. В. Кондрад*

Технические редакторы *В. П. Безбородова, Э. Г. Сень*

Корректоры *Л. Н. Макейчик, Н. Б. Гулиш*

ИБ № 1678

Подписано в печать 23.05.91. Формат 84х108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура Пресс Роман. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,46. Усл. кр.-отт. 5,66. Уч.-изд. л. 5,71. Тираж 83700 экз. Заказ 1337

Издательство „Университетское” Госкомитета БССР по печати. 220048, Минск, проспект Машерова, 11.

Отпечатано с оригинала-макета издательства „Университетское” на Минском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате МППО им. Я. Коласа. 220005, Минск, Красная, 23.